



С О В Е Т
Ф Е Д Е Р А Ц И И
Федерального Собрания
Российской Федерации

Информационно-аналитическое управление
Аппарата Совета Федерации

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 2 (792)

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I: СЕКУЛЯРНЫЙ МИР И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Материалы семинара-совещания
Информационно-аналитического управления
Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации
(Совет Федерации, 2 декабря 2021 года)

МОСКВА • 2022



СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
АППАРАТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 2 (792)

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I:
СЕКУЛЯРНЫЙ МИР И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Материалы семинара-совещания
Информационно-аналитического управления
Аппарата Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

(Совет Федерации, 2 декабря 2021 года)

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

2 декабря 2021 года в Совете Федерации состоялся семинар-совещание Информационно-аналитического управления на тему «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». Семинар проходил в преддверии намеченных на конец января 2022 года X Рождественских парламентских встреч в рамках XXX Международных Рождественских образовательных чтений в режиме видео-конференц-связи.

Участники семинара обсудили наследие Петра I, его государственную политику в отношении церкви, а также вопросы религиозности в современном секулярном мире.

В работе семинара приняли участие сенатор Российской Федерации Л.Н. Скаковская, сотрудники Аппарата Совета Федерации и приглашенные эксперты: представители Русской православной церкви, других традиционных конфессий, ведущих вузов и научных центров страны, включая МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт российской истории РАН, Институт философии РАН, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Российский университет дружбы народов, Российское историческое общество, фонд «История Отечества».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово заместителя Руководителя Аппарата Совета Федерации – начальника Управления делами В.В. СЕМИКИНА	5
Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский ЕВГЕНИЙ , Председатель Оргкомитета Международных Рождественских образовательных чтений, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации <i>Пётр I: стремление к секулярности с сохранением религиозности</i>	6
Ю.А. ПЕТРОВ , директор Института российской истории РАН <i>Экономическая модель Петра Великого</i>	10
А.В. СИРЕНОВ , директор Санкт-Петербургского института истории РАН, член-корреспондент РАН <i>Петр I и святой Александр Невский</i>	12
И.Л. КРУПНИК , доцент кафедры философии религии и религиоведения, заместитель декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова <i>Религиозность в секулярном мире и роль религиоведа в диалоге религиозных и нерелигиозных мировоззрений</i>	15
И.И. ЕРШОВА , доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова <i>Наследие Петра I в области государственной политики в отношении к религии: история и современность</i>	17
М.А. МАСЛИН , заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета <i>Образ Петра Великого в русской секулярной и религиозной мысли</i>	19

В.В. СЛЕПЦОВА , научный сотрудник Института философии РАН <i>Атеизм в объективе российской науки XXI века</i>	29
М.М. МЧЕДЛОВА , заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов <i>От модернизационной стратегии Петра I к современным дискуссиям о светскости</i>	35
К.И. МОГИЛЕВСКИЙ , исполнительный директор фонда «История Отечества» <i>О проекте Digital Пётр</i>	39
М.В. ВДОВИЧЕНКО , учёный секретарь Института археологии РАН <i>Церковная архитектура в эпоху преобразований Петра I</i>	41
А.А. ШАБЛИН , председатель Луховицкого историко-краеведческого общества <i>Памятник раннепетровского времени – Троицкая церковь села Дединово (1697–1700): история и легенды</i>	50
Д.Д. МУСТАФИН , заместитель главы Духовного собрания мусульман России	54
Л.Н. СКАКОВСКАЯ , сенатор Российской Федерации	56
ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ семинара-совещания Информационно-аналитического управления на тему «К 350-летию со дня рождения Петра I : секулярный мир и религиозность»	57

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
заместителя Руководителя Аппарата Совета Федерации –
начальника Управления делами
В.В. СЕМИКИНА

Уважаемые коллеги!

Спасибо всем, кто откликнулся на наше приглашение. Для Совета Федерации большая честь принимать у себя X Рождественские парламентские встречи. Мы проводим их на регулярной основе с 2014 года, руководство нашей палаты придает большое значение работе по подготовке и проведению этого мероприятия.

В Аппарате Совета Федерации создана специальная рабочая группа, которая провела уже два заседания подготовительных мероприятий. Сегодняшний семинар-совещание – это один из важных этапов подготовки Рождественских парламентских встреч. Он нацелен на содержательную проработку темы, которая вынесена на пленарное заседание, определение его смысловых акцентов.

Очень рад, что нас почтил своим присутствием Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Евгений, который является председателем Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, а также председателем Оргкомитета Международных Рождественских образовательных чтений. Именно Владыка Евгений был инициатором рассмотрения такой сложной и интересной темы.

Прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, открыть наш семинар. Сердечно приветствуем Вас!

**Митрополит Екатеринбургский
и Верхотурский ЕВГЕНИЙ,**
*Председатель Оргкомитета
Международных Рождественских
образовательных чтений,
председатель Синодального отдела
религиозного образования и катехизации*

ПЁТР I: СТРЕМЛЕНИЕ К СЕКУЛЯРНОСТИ С СОХРАНЕНИЕМ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Сердечно приветствую всех участников семинара-совещания Информационно-аналитического управления Аппарата Совета Федерации в рамках подготовки X Рождественских парламентских встреч на тему «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность».

Несмотря на непростые обстоятельства, связанные с заболеванием и вызванными им ограничениями, мы вновь встречаемся (пусть и в таком онлайн-формате), чтобы обсудить актуальные вопросы нашей жизни, взаимодействия церкви, общества и государства по ключевым аспектам образовательной, социальной и культурной работы – всех направлений нашего соработничества, призванного содействовать просвещению и духовно-нравственному воспитанию людей всех возрастов.

17 июня 2021 года Священный синод Русской православной церкви постановил посвятить XXX Международные Рождественские образовательные чтения теме «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». Сейчас по всей стране проходит региональный этап чтений. Оргкомитет по возможности принимает личное участие в этих мероприятиях, и могу свидетельствовать, что тема отозвалась в сердцах участников, несмотря на свою некоторую сложность.

Нельзя не заметить, что личность первого российского императора в церковной среде вызывает неоднозначное отношение. Считаю всё же фигуру первого российского императора недостаточно изученной и гораздо более многогранной, чем это представлено в популярной литературе. В связи с этим отмечаемый в 2022 году юбилей – 350-летие со дня рождения Петра I – даёт нам возможность ещё раз осмыслить многие вопросы: от отношения к личности императора до осознания собственных внутренних противоречий, которые всё больше обостряются в современных условиях. И здесь добрым и исторически справедливым делом станут наши попытки увидеть в Петре

Алексеевиче то, что видел его современник – святитель Митрофан Воронежский, который искренне, воистину отечески любил его и поддерживал во многих делах на благо Отечества. Полагаю, что в ходе мероприятий Рождественских парламентских встреч мы, несомненно, откроем для себя новые грани личности государя Петра Алексеевича Романова.

К чему более склонно наше сердце – к осуждению или оправданию человека? К тому, чтобы легко принимать, переживать и распространять какую-то негативную информацию, или к тому, чтобы хранить мир и молитву в сердце?

Пётр I – одна из ключевых фигур русской истории. Как и всякая историческая личность крупного масштаба, государь Пётр Алексеевич вызывал и вызывает дискуссии.

К сожалению, 300-летие победы над Швецией в Северной войне, величайшего успеха Петра I, возбудило интерес к негативным мифам о нём в большей степени, чем к его созидательной деятельности. Особенно острое обсуждение получили темы, связанные с отношением монарха к Русской церкви и православной вере.

Давно ушло в прошлое бездумно благостное отношение к деятельности Петра I, давно исследуется в науке вопрос о цене его реформ, и цена эта признана огромной. Видно, что многие его реформы – преобразования военного времени, совершённые в спешке, в обстоятельствах чрезвычайного характера. Многие потом пришлось переделывать его преемникам. Но даже те учёные и публицисты, которые настроены к правлению «царя-плотника» негативно, безусловно, признают как факт и его достижения: рост промышленности, строительство флота, создание Санкт-Петербурга, территориальное приращение России по итогам Северной войны. Таким образом, когда речь идёт о светской истории России Петровской эпохи, точнее говоря, об истории социально-политической, можно заметить объективное отношение науки и общества, спокойное взвешивание плюсов и минусов относительно трудов Петра I.

Но стоит приблизиться к истории духовной – и всякая объективность пропадает. В адрес правителя, взявшего многое как образец у стран Западной Европы, летят обвинения самого необдуманного характера. В их числе есть столь радикальные, что православному человеку, который бездумно поверит в них, следовало бы просто отвернуться от Петра Алексеевича как от безнадежно нехристианской личности.

Некоторые из подобных обвинений родились ещё при его жизни и сегодня звучат смехотворно. Якобы царя подменили во время посольской поездки по Европе, или даже... в нём воплотился антихрист.

Но всё это из области слухов, наветов, клеветы, не заслуживающих серьёзного отношения.

А вот другие обвинения звучат гораздо весомее, и тут необходим вдумчивый, спокойный анализ. Вот они: Пётр I – человек, отошедший под западным влиянием от христианства, совершенно не верующий, враг церкви. Что здесь факты, а что – домыслы? Мог ли неверующий антиклерикал управлять православной державой? Отвечая на эти вопросы, следует опираться только на факты, избегая логических спекуляций.

С одной стороны, конечно, в правление прежних государей из рода Романовых церкви жилось легче, нежели при Петре I. Государь-реформатор отменил патриаршество, построил церковную иерархию в государственный аппарат на правах одного из учреждений, серьёзно затруднил жизнь монашества многочисленными ограничениями, превратил Третий Рим в секулярную империю. Более того, он допустил влияние идей, выработанных протестантизмом, на богословие и церковное устройство. Всё это факты, и нет смысла их отрицать. С другой стороны, видеть только это – значит страдать расстройством логики.

Разве отказывался когда-либо царь Пётр Алексеевич от веры? Разве уничтожал он духовенство? Разве не был он храможителем и ревнителем духовного просвещения?

Ведь именно Пётр I лично участвовал в переносе мощей святого Александра Невского, и именно он выступил инициатором создания Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Хотелось бы напомнить: Александро-Невская лавра возникла, когда Пётр Алексеевич пребывал в зрелом возрасте, приближаясь к закату. Поэтому в её создании следует видеть не порыв юноши, но акт воли уже немолодого верующего человека, вполне осознающего собственные предпочтения.

Этот акт храможителства – далеко не единичный в судьбе Петра I. В этом могут убедиться тысячи паломников и туристов, ежегодно посещающих Соловецкий монастырь. На одном из Заяцких островов (отдалённая часть Соловецкого архипелага) стоит церковь, освящённая во имя святого Андрея Первозванного, небесного покровителя России и русского флота. Построить её здесь распорядился в 1702 году государь Пётр Алексеевич, вторично посетивший Соловецкий монастырь. Между прочим, на Соловках ни один русский царь до него не бывал. Поселившись в монастыре, государь вёл себя как паломник: прикладывался к ракам соловецких чудотворцев, был на литургии в Успенском соборе; также царь стоял на клиросе и подпевал певчим. Вот так «неверующий»!

В Петропавловской крепости, сердце любимого царского детища, Санкт-Петербурга, Пётр I повелел возвести величественный собор, освящённый во имя святых апостолов Петра и Павла.

За победы, дарованные царём небесным, царь земной славил его имя, ставя храмы. Так, один из древнейших соборов Санкт-Петербурга, Свято-Пантелеимоновский, выстроен в благодарность Богу за победы в морских баталиях при Гангуте и Гренгаме. Первая из них состоялась в 1714 году, вторая – в 1720-м, но обе в один день – в день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона. Только верующий человек мог увидеть в этом совпадении перст Божий.

Доверительные отношения связывали Петра I со святителем Митрофаном Воронежским. Царь прощал владыке Митрофану критику его нововведений, неприятие его сближения с иноземцами. Архиерей требовал убрать с царского двора «идолы» – статуи языческих «божеств» античности, и царь уступил. Пётр Алексеевич видел от Митрофана нелицемерную поддержку добрых своих начинаний и готов был слушать его наставнические поучения, поскольку доверял святителю. Стал бы так поступать враг церкви?

Да, царь Пётр Алексеевич не был ангелом, в его реформах имелось зерно вреда для церкви, но были и зёрна пользы. Никогда не впадал он в атеизм, не считал церковь своим врагом и сам врагом ей не был. Говорить так – значит выплескивать с водой и ребёнка, поэтому в наше время стоило бы вспоминать не только о грехах Петра Алексеевича, но и о его энергии, его неиссякаемой любви к России, его титанических трудах. Не создай он величие России на новой основе, как знать, возможно, в ближайшем будущем соседи разделили бы нашу страну, растащили бы её на колонии. Планы подобного рода в европейской политической среде озвучивались неоднократно. Позитивный смысл его государственной работы огромен, и многими достижениями того времени наша страна пользуется поныне.

Говоря о ключевых вопросах современности, необходимо обратить особое внимание на такие, как место верующего человека и религии в целом в секулярном обществе, а также на перспективы общества, всё более удаляющегося от следования Божиим заповедям, в созданном Богом мире. Как никогда это актуально для подрастающего поколения. Определённо, немалая работа ведётся, и я сердечно благодарю всех, кто искренне заботится об этом, полагая свои труды ради будущего нашей страны.

Желаю всем вам доброго здоровья и благодатной помощи Божией в каждодневных трудах на благо Отечества и народа нашего.

Ю.А. ПЕТРОВ,
директор Института российской истории РАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Уважаемые коллеги! Тема действительно является весьма острой. И здесь его Высокопреосвященство сказал, что Пётр I не был ангелом, что он совершал ошибки. Я бы попробовал понять, что им двигало. У каждого человека есть свой набор мотивов, которым он руководствуется в деятельности. И его позиция, политика в области религиозной, в области православной церкви обусловлена некоторыми внутренними побуждениями, среди которых я бы остановился сегодня на экономическом факторе.

Хочу напомнить знаменитую фразу Петра I, которую он применил в своём послании к сенату в 1711 году: «Деньги суть артерия войны». Петру I для победы в войне нужны были ресурсы, нужны были деньги. И на этом во многом строилась вся политика Петра I по отношению ко всем сословиям, включая и духовную.

Хотел бы напомнить, что его политика обозначилась достаточно рано – осенью 1700 года. В то время когда Пётр I был под Нарвой, он получил известие из Москвы о кончине патриарха Адриана. И с этого времени патриарший престол фактически был пуст. Пётр I назначил митрополита Стефана Яворского местным блюстителем. Но каков был его мотив?

Дело в том, что о кончине патриарха Петру I сообщил А.А. Курбатов (его доверенное лицо), при этом обратив внимание на вопрос об имуществе церкви: нельзя давать слишком много воли церковникам, чтобы не они распоряжались этими громадными ресурсами. А.А. Курбатов заведовал поиском финансовых ресурсов в государстве, он вводил всё новые и новые налоги: и на бани, и на бороды. Таких людей называли прибыльщики, они, как правило, предлагали Петру I самые крутые, жёсткие меры для пополнения казны. Видимо, такие соображения в какой-то мере отвечали внутренним убеждениям Петра I. Тогда-то и проявилось его отношение к монастырям, к патриаршему наследию. Как известно, был упразднён специальный патриарший разряд, введён новый монастырский приказ. Были прекращены новые выдачи вотчин и земельных угодий монастырям именно для того, чтобы государство, которое олицетворял Пётр I, имело в своих руках все необходимые ресурсы для ведения войны со Швецией.

Пётр I глубоко верил, что только государство способно обеспечить экономический рост и концентрацию ресурсов, необходимых для победы

в войне. Этот внутренний экономический стимул, как мне кажется, мы недостаточно учитываем при оценке его церковной политики. И это очень важная деталь в понимании внутреннего мира Петра I и, соответственно, того, как выстраивалась его деятельность.

Говоря о той экономической модели, которую Пётр I создавал в стране, я бы хотел подчеркнуть, что здесь он соединил две совершенно разнородные вещи: западную технологию (по тем временам самыми современными её достижениями были мануфактуры) с крепостным, по существу, рабским трудом крестьян, которые на этих мануфактурах работали. Плюс было создано так называемое кумпанство, государственные монополии в области экономики. Было очень мало простора для частной инициативы, очень мало привлекались иностранные инвестиции, хотя мне могут возразить, что иностранцы шли толпами на службу к Петру I, но среди них инвесторов, которые приносили бы капиталы, строили бы здесь, в России, свои предприятия, было совсем немного. Одним словом, его политика строилась на том, чтобы военно-мобилизационными методами обеспечить перевес в войне против Швеции. Эта политика, безусловно, дала свои результаты. Благодаря ей Россия выиграла войну и сумела создать заводы на Урале и в центральном районе, обеспечить армию сукном, ружьями и пушками. Таким образом, свою задачу по мобилизации экономики эта модель выполнила.

Что хотелось бы сказать о её другой, слабой стороне? Это то, что она совсем не предусматривала развития частного свободного предпринимательства, что она усилила крепостнические отношения в России, переводя в разряд крепостных новые десятки и сотни тысяч крестьян, которые работали на горнозаводских предприятиях Урала. Эта модель не имела внутренней мотивации к инновациям. К сожалению, она строилась на заимствовании западной технологии, а собственные технические разработки не поощряла. Эти крепостнические отношения не вводились автоматически в экономическую жизнь. В связи с этим хотел бы привести только один пример: русский инженер Иван Ползунов придумал паровую машину на Урале раньше, чем знаменитый шотландский изобретатель Джеймс Уатт. Но его машина осталась единственным экземпляром, который хранится сейчас в барнаульском краеведческом музее. Никто из заводчиков эту машину не принял, потому что для них выгоднее был труд тех самых крепостных приписных крестьян. В этом была огромная слабость такой модели, которую пыталась исправить Екатерина II. Она как раз видела необходимость в том, чтобы дать крестьянам возможность заводить собственные промыслы, издала соответствующие указы. Эту политику продолжил Александр I. И надо сказать, что линия свободного экономического роста

на основе крестьянских промыслов, в конце концов, дала России возможность в середине XIX века перейти к промышленной революции и войти в число передовых промышленных держав своего времени.

В завершение хотел бы отметить, что на Петра I надо смотреть с разных точек зрения. Эта дихотомия суждений сопровождает его почти 200 лет со времён западников и славянофилов. Есть люди, которые полностью отвергают его деяния, но есть и те, которые абсолютно с ним согласны. Но мне кажется, что очень важно понять (и об этом я пытался сегодня говорить), какие внутренние мотивы, внутренние соображения руководили Петром I, когда он принимал то или иное решение. И в этом смысле, повторяю, его политика по отношению к Русской православной церкви во многом диктовалась именно экономическими соображениями. Пётр I практически закрепостил все сословия России, заставил их все работать на государство, на победу в войне. В данном случае церковь оказалась, я бы сказал, в числе многих.

А.В. СИРЕНОВ,
директор Санкт-Петербургского института истории РАН,
член-корреспондент РАН

ПЕТР I И СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Уважаемые коллеги! Мне хотелось бы остановиться на нескольких важных, на мой взгляд, моментах, касающихся обсуждаемой темы.

Петра I следует рассматривать прежде всего как деятеля, который стоял на сломе двух эпох – эпохи Средневековья и эпохи Нового времени. Церковь как институт, сформировавшийся, получивший развитие в эпоху Средневековья и занимавший большое место в идеологии средневековой России, в Новое время должна была занять место гораздо менее масштабное, более скромное. И это была та объективная необходимость, которая стояла перед людьми конца XVII – начала XVIII века.

Юрий Александрович Петров говорил сейчас об экономической стороне секуляризационных реформ. Я хочу напомнить, что эта экономическая необходимость секуляризации, в частности церковных имуществ, была осознаваема ещё задолго до Петра I. Попытку секуляризации церковного имущества впервые предпринял Иван III за 200 лет до Петра I, но ему не удалось это сделать. Как известно, попытка была неудачной, на Соборе от этого отказались. И всё же понимание такой необходимости присутствовало в обществе, с годами оно становилось все более острым. Разумеется, и другие идеи, другие

необходимые действия тоже назревали: так, разные государственные деятели XVII века, особенно его первой половины, искусственно старались, изолировав Россию от западноевропейских веяний, замедлить движение к секулярному государству, государству западноевропейского типа. Тем не менее к концу XVII века стало очевидным, что модернизации России, перехода России от средневековой идеологии, средневековой культуры, средневекового хозяйствования к модели нового времени не избежать, что это данность. Эти реформы следовало осуществить. И эта тяжелая ноша выпала на долю Петра I.

Пётр I с ней справился, он сделал это решительно и эффективно. Разумеется, оценка деятельности такого реформатора в любом случае была бы неоднозначной. Поэтому можно оценивать эффективность того, что сделал Пётр I, а сомнений в эффективности исследователи в настоящее время не высказывают.

Я хотел бы остановиться на одном сюжете, связанном с перенесением мощей Александра Невского из центра России, из города Владимира, где Александр Невский был похоронен, в новую столицу Российской империи, в город Санкт-Петербург.

Надо сказать, что интерес Петра I к Александру Невскому и почитание Александра Невского, интерес к нему как к историческому деятелю прослеживается ещё с начала 90-х годов XVII века, когда у Петра I в 1691 году родился второй сын, наследник царевич Александр. Он был крещён в честь Александра Невского. Когда в 1692 году малолетний царевич скончался, царская чета вскоре после этого сделала пожертвование на раку Александра Невского. И ещё целый ряд пожертвований, исходящих и от Петра I, и от Натальи Кирилловны Нарышкиной, и от Евдокии Лопухиной, доказывает, что это было именно почитанием Александра Невского.

Возникновение интереса к деятельности Александра Невского со стороны Петра I можно отнести к концу 90-х годов XVII века, когда стало очевидным, что впереди Россию ждёт долгая Северная война со Швецией. Пётр I искал такого героя русской истории, на чей исторический и политический опыт он мог бы положиться. В 1703 году был основан Санкт-Петербург, а в 1704 году Александр Невский был объявлен третьим после апостолов Петра и Павла покровителем Санкт-Петербурга.

Вопрос о перенесении мощей князя в Северную столицу поставили в 1710 году, когда был основан Троицкий Александро-Невский монастырь в том месте, где по легенде (потом выяснилось, что это ошибочная атрибуция) произошла Невская битва. В 1723 году было принято решение о перенесении мощей. Важно, что и перенесение

мощей, и новый праздник (30 августа) были связаны с годовщиной Ништадтского мира. Таким образом, Пётр I соединял средневековое почитание древнерусского князя с идеологией новой России.

Образцом церемонии перенесения мощей Александра Невского стало перенесение мощей митрополита Филиппа Колычёва из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 году. Митрополит Филипп был лишён сана и погублен по велению царя Ивана IV в 1569 году. В середине XVII века по предложению патриарха Никона царь Алексей Михайлович с патриархом Никоном организовали торжественное перенесение мощей опального митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву и захоронение в московском Успенском соборе.

Сценарий, по которому были перенесены мощи митрополита Филиппа, в свою очередь, был заимствован из византийской традиции и повторил перенесение мощей Иоанна Златоуста в Константинополь в 1438 году. Иоанн Златоуст тоже был изгнан как иерарх из Константинополя, и его мощи были торжественно перенесены. Таким образом, он символически вернулся в Константинополь. И этот сценарий был повторён в середине XVII века, что неудивительно: патриарх Никон и Алексей Михайлович очень внимательно относились к подобного рода символизму.

Важно, что при перенесении мощей Александра Невского был заимствован один тот же сценарий – и сценарий XVII века, и сценарий византийской истории V века. Таким образом, у российской истории начала XVIII века возникла символическая связь и с русской историей XVI–XVII веков, и с византийской историей.

Однако если при перенесении мощей митрополита Филиппа вся символика возвращения святителя в место своего первоначального пребывания и изгнания оттуда сохранялась, то при перенесении мощей Александра Невского был заимствован только внешний сценарий, и в этом мы видим, как менялась культура, как менялось отношение к религиозной процессии, символике. Это была уже Россия Нового времени, но здесь важно подчеркнуть, что в разработке сценария перенесения мощей Александра Невского Пётр I принимал самое непосредственное участие. Отсылки к русской истории, византийской истории, отсылки вообще к истории и истории церкви присутствовали, они были важны Петра I, что, на мой взгляд, представляется весьма актуальным, чтобы обратить на это внимание.

И.Л. КРУПНИК,
*доцент кафедры философии религии и религиоведения,
заместитель декана философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СЕКУЛЯРНОМ МИРЕ И РОЛЬ РЕЛИГИОВЕДА В ДИАЛОГЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НЕРЕЛИГИОЗНЫХ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

Уважаемые коллеги! Я хотел бы сказать несколько слов о том, как петровские реформы, личность Петра I и те процессы, которые были запущены им в российском обществе и российской культуре, сказались на развитии научного знания и воплотились, например, в проекте Московского университета. С точки зрения академического сообщества мы понимаем, что Пётр I осуществлял процессы модернизации российского общества, культуры. Начавшись на рубеже XVII–XVIII веков, эти процессы в некотором смысле продолжают и по сей день.

Таким образом, фигура и деятельность Петра I – это для нас не только дань исторической памяти и уважения, но и повод поговорить о дне сегодняшнем, потому что, как совершенно справедливо отметил Владыка Евгений, вопрос соотношения секулярного мира, секулярного пространства, смыслов и ценностей с миром религиозным, будучи намеченным ещё в начале XVIII века благодаря Петру I, сохраняет свою актуальность и сегодня.

В связи с этим хотел бы обратить внимание на то, что благодаря петровским реформам создаются условия для складывания и развития социогуманитарного знания, в том числе в университетском пространстве. Эти реформы привели к существенному усложнению структуры общества и культуры, когда мы можем различать внутри этого комплексного пространства различные области – говорить о политике, о религии, о науке, об искусстве. То, что эти области дифференцировались и до некоторой степени автономизировались может оцениваться и негативно, потому что до поры до времени в русской, российской культуре мы могли поставить знак равенства между понятием «культура» и понятием «религия», то есть эти пространства совпадали. По мере секуляризационных процессов пространство культуры расширяется, а пространство религии – сжимается, высвобождая ранее неразличимые области и сферы. Но самое главное – за счёт этой дифференциации для исследователя, учёного возникает возможность различить объект своего научного интереса: вот оно – пространство политики, вот оно – пространство искусства, вот

оно – пространство религии, о которых можно и нужно говорить, в том числе решая важные социальные задачи.

Хотел бы обратить внимание, что уже сам основатель Московского университета Михаил Васильевич Ломоносов, который известен прежде всего как учёный-естествоиспытатель, имел также интерес и к знанию гуманитарному, например в области истории религий. В этом смысле мы можем говорить о том, что ещё сам Михаил Васильевич заложил в Московском университете традицию академического исследования религий, традицию, которая с конца XIX столетия представлена в виде такой академической дисциплины, как религиоведение, которая сохраняется в научно-образовательном пространстве Российской Федерации до сегодняшнего дня.

Говоря о религиоведении, считаю важным отметить, что наша сегодняшняя встреча проходит одновременно с V Всероссийской научной конференцией «Теология в научно-образовательном пространстве», организованной на базе МИФИ. В последние годы в стране разворачиваются дискуссии о различии полей и ролей религиоведа и теолога. На этот счёт высказываются различные точки зрения, вплоть до того, что одна дисциплина якобы отменяет другую. Но на самом деле, особенно в нынешних условиях, мы вполне можем говорить о некотором распределении ролей по тем задачам и тем методологическим посылам, которые лежат в основе этих двух способов работы со знанием о религии. Как справедливо отмечается на самом высоком уровне, если перед теологией сегодня в Российской Федерации ставится задача по патриотическому воспитанию и работе по формированию мировоззрения молодёжи, то религиоведение как академическая дисциплина, конечно, в этом смысле не пересекается с задачами теологического толка, но выполняет важные аналитические процедуры и реализует прогностическую функцию научного знания благодаря опоре на сравнительную оптику.

Предвосхищая возможную критику, необходимо сразу отметить, что подобного рода процедуры сравнения современных и исторических религий вовсе не означают обесценивания тех или иных религиозных ценностей или подрыва их значения и авторитета. Религиоведение не решает идеологических задач и не вступает в пространство спора о реальности или иллюзорности религиозных ценностей. Задача религиоведа – фиксация, описание и сопоставление того, как и какие именно религиозные ценности представлены в пространстве культуры, какие социальные и психологические функции они выполняют. Приобретенные таким образом знания, помимо архивного и своего рода картографического значения, ценны ещё и тем, что содействуют более

глубокому пониманию локальных культур и вариантов объективации их внутреннего смыслового наполнения.

Религиозная сфера с течением времени не упрощается, а только усложняется. Перед религиоведом сегодня, помимо прогнозирования религиозной ситуации, оказывается и такая важная задача, как обеспечение функции посредничества, медиации между представителями различных мировоззрений, поскольку мы понимаем, что в многонациональной и поликонфессиональной стране религиозный диалог, межрелигиозный диалог – это одна из важнейших задач по обеспечению мира и благополучия граждан.

И.И. ЕРШОВА,
*доцент кафедры философии религии
и религиоведения философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

**НАСЛЕДИЕ ПЕТРА I
В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

К религиозной реформе Петра I можно относиться по-разному, в особенности, если учитывать, что методы, которыми он проводил свои реформы, были весьма авторитарными. Однако представляется, что мы можем извлечь из этого исторического опыта ценные уроки.

Пётр I поддал пример прагматического подхода к вопросам религии во внутренней политике. Согласно этому подходу на первый план выдвигались интересы государства, конечно, в той модели государственности, как он её понимал.

Осуществляя религиозную реформу, Пётр I, без сомнения, учитывал предшествующий длительный опыт государственно-церковных отношений, историю нескольких веков непростых взаимоотношений власти и церкви, с учётом которых сделал практические выводы. Его решения нельзя объяснять только конкретными обстоятельствами и ситуативными целями.

Пётр I заложил такую модель государственной политики по отношению к религии, где во главе стоят интересы государства и их практическая реализация с учётом предшествующего исторического опыта.

Эта модель в различной степени влияла на практическую политику на разных этапах истории нашего Отечества.

По мере расширения территории России в её состав входили земли, населённые представителями различных вероисповеданий. Гражданами единой страны становились буддисты, иудеи, католики, лютеране, мусульмане и многие-многие другие. После реформ патриарха Никона и царя Алексея Михайловича появилось старообрядчество, развивались его различные толки и согласия. По меньшей мере с конца XVII столетия возникло так называемое старорусское сектантство, часть представителей которого впоследствии переходила в различные протестантские общины. Страна развивалась как сложнейший многонациональный и поликонфессиональный организм. В полный рост вставала проблема соотношения государственных интересов, потребностей первенствующей и господствующей тогда (согласно законодательству) Русской православной церкви и чаяний различных религиозных меньшинств.

В истории Российской империи были опробованы разные варианты конфигураций этих компонент. Были попытки интеграции различными методами. Например, переход в православие поощрялся весьма существенными привилегиями. Были и попытки сегрегации «иноверцев».

Исторический опыт реализовался в буквально выстраданном решении – равноудалённом отношении государства ко всем конфессиям. Это решение, первоначально намеченное в Указе «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля и Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года Николая II, нашло выражение в законодательных актах Временного правительства, затем Советского государства. Теперь принцип равнодружественного отношения государства к конфессиям закреплён в Конституции Российской Федерации.

Это решение – не плод волюнтаризма, не случайность, а итог учёта исторического опыта и его практическое воплощение в интересах государства. В этом мне видится усвоение потомками уроков религиозной реформы Петра I.

М.А. МАСЛИН,
*заведующий кафедрой истории русской философии
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
заслуженный профессор Московского университета*

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РУССКОЙ СЕКУЛЯРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ¹

Личность и реформы Петра Великого получили в русской философии и культуре антиномическую оценку, начиная от А.Н. Радищева и М.М. Щербатова в XVIII веке. А.Н. Радищев провозгласил гимн «обновителю России», чьи «громкие дела возбуждали удивление и почтение», тогда как М.М. Щербатов порицал царствование Петра за «повреждение нравов». Согласно М.М. Щербатову борьба царя с застарелыми предрассудками и насаждение новоевропейских обычаев имели противоречивые результаты: «уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера; уменьшилась рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к Богу и к святому его закону; и нравы за недостатком другого просвещения, исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить»².

В XIX веке деяния Петра стали предметом осмысления первых русских идейных течений, славянофильства и западничества. Начало прославлению реформ Петра Великого было положено В.Г. Белинским, в том числе посредством его оригинальной интерпретации философии Г.В.Ф. Гегеля, его концепции «разумной действительности». Обращение критика к образу и деяниям царя-реформатора акцентирует также необходимость окончательного отрицания застарелого советского стереотипа о так называемом революционном демократизме В.Г. Белинского. Генезис русской интеллигенции, обычно связываемый с именем В.Г. Белинского, в действительности ничего общего не имел с социалистическим или революционным образом мышления. Интеллигенция по сути своей явилась исключительным плодом деятельности Российского государства в его имперский период. Эта её черта отражена в работах В.Г. Белинского, который рассматривал свою

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

² О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1985. С. 29.

журналистскую активность как род служения и защиту интересов империи.

Оценка частоты упоминания различных имён в текстах произведений В.Г. Белинского показывает, что после А.С. Пушкина первое место в этом ряду занимает российский император Пётр I. Согласно именованному указателю к полному собранию сочинений В.Г. Белинского, количество ссылок на имя российского императора превышает даже количество ссылок на Н.В. Гоголя, его любимейшего писателя, названного им главой целого «гоголевского периода русской литературы»³. Ни один из многочисленных писателей «натуральной школы» и ни один из отечественных, французских и немецких мыслителей также не может сравниться по числу упоминаний во всём корпусе сочинений критика с именем российского императора. Об особом и неизменном пиетете к личности и деяниям Петра Великого, не зависящем от многообразных сюжетов работ В.Г. Белинского и его разнообразных неустойчивых симпатий, выраженных в склонностях к идеям консерватизма, либерализма и социализма свидетельствует вся совокупность сочинений публициста, начиная с его ранней работы «Литературные мечтания», принёсшей ему всероссийскую славу ведущего литературного критика (1834). В основе этого успеха лежал осмысленный и, как оказалось, беспроницаемый для цензуры и читающей публики выбор идейной тональности в пользу смешения патриотического западничества с прославлением просвещённого абсолютизма Петра Великого, личности и деяний самого успешного российского монарха.

В конце статьи «Литературные мечтания» В.Г. Белинский высказался к тому же в духе полной солидарности с тогдашним государственным образовательным стандартом (правда, деликатно не называя имя его автора – министра народного просвещения графа С.С. Уварова): «Да! У нас скоро будет своё русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению в духе православия, самодержавия и народности...»⁴. Беспроницаемый пиаровский ход, специально предназначенный для патриотически настроенной Москвы, если учесть, что «Литературные

³ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 646–647.

⁴ Там же. Т. I. С. 102.

мечтания» были опубликованы в журнале «Молва», приложении к журналу Московского университета «Телескоп».

В ходе полемики со славянофилами В.Г. Белинский придерживался мнения, согласно которому вопрос об отношении к реформам Петра I по принципу «за или против» составляет водораздел между «славянофилами и неславянофилами»: «Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник так называемого славянофильства...»⁵. На самом деле разделение на «славянофилов и неславянофилов» в связи с оценкой реформ Петра Великого было проведено во многом искусственно и было преимущественно продуктом полемики с представителями «московского направления». Ю.Ф. Самарин указал на то, что приписываемые В.Г. Белинским негативные оценки петровских реформ, будто бы принадлежащие славянофилам, не соответствуют действительности, поскольку сами славянофилы «никогда не думали отвергать» их историческое значение. Славянофилы подобно В.Г. Белинскому были убеждены, что «реформа Петра не могла быть случайна» и «миновать эпоху преобразования, перескочить за неё, нельзя»⁶. Неосновательность радикального разделения всей русской мысли на «славянофилов и неславянофилов» в связи с оценкой петровской реформы признавала порой, и самим В.Г. Белинским. В ряде случаев он был вынужден признать верными мысли о нравственном расколе, который внёс «русский европеизм» в русское общество в результате реформ Петра – «об этом они (славянофилы – прим. М.А. Маслина) говорят много дельного, с чем нельзя не согласиться»⁷ и далее – «пора оставить, как дурную привычку, довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм»⁸.

Будучи готовым признать справедливыми некоторые «отрицательные стороны» доктрины славянофилов, В.Г. Белинский, в сущности, оставлял без конкретного разбора её «положительную сторону», то есть собственно религиозную философию, ограничиваясь фразой о её «туманном и мистическом характере». Используя своё привилегированное положение известного автора столичных толстых журналов, В.Г. Белинский позволял себе не учитывать реально существовавшее многообразие оттенков славянофильских умонастроений, чьи издания подвергались гораздо более строгой цензуре, чем журналы западнического направления. В своей полемике

⁵ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. X. С. 17.

⁶ Ю.Ф. Самарин. О мнениях «Современника», исторических и литературных. Избранные произведения. М.: Росспэн, 1996. С. 482.

⁷ В.Г. Белинский. Полн. Собр. соч. Т. X. С. 17.

⁸ Там же. С. 19.

он ограничивался самыми общими полемическими приёмами и аргументами. Среди них самым распространённым было то, что славянофилы выставлялись им в качестве противников «реформ вообще» и петровских реформ прежде всего. Полемическая пристрастность такой позиции была окончательно посрамлена уже после смерти В.Г. Белинского самим фактом участия Ю.Ф. Самарина в непосредственной разработке Крестьянской реформы и его авторством написания «Положения 19 февраля 1861 года». И, конечно, В.Г. Белинский не учитывал того, что уже в начале оформления славянофильского учения в работе «О старом и новом» (1839) А.С. Хомяков дал весьма жёсткую критическую оценку русской жизни допетровской эпохи, указав на многие её неурядицы. А.С. Хомяков беспощадно критиковал укоренившиеся на Руси «безграмотность, правосудие, разбой, крамолы, личности (то есть доносы – прим. М.А. Маслина), угнетение, бедность, неурядица, непросвещение и разврат»⁹ и дал общую оценку петровской реформы как «благодетельной грозы», прогремевшей над Россией (что несколько не могло быть истолковано как её неприятие).

На самом деле, вопрос о соотношении «старого и нового» в отечественной истории не был центральным в полемике между славянофилами и неславянофилами; он был вопросом внешним, поскольку лежал на поверхности наметившихся мировоззренческих различий между идейными течениями 1830–1840-х годов. Действительные существенные противоречия существовали между религиозно-метафизическим мировоззрением славянофилов, основанным на традиционных православных ценностях, и рационалистическим мировоззрением секулярной интеллигенции, развивавшей идейность европейского Просвещения. Речь идет в действительности о двух «целостных и несводимых мировоззрениях» (Г.В. Флоровский), где вопрос об отношении к реформам Петра имел подчинённое, но не решающее значение. В.Г. Белинский мог считать оригинальными идеи славянофилов о своеобразии русской истории с её общинным устройством и новгородским вече и готов был даже утверждать, что «славянофилы правы во многих отношениях»¹⁰. Он признавал общину явлением действительно распространённым у славянских народов, но не только у них, но также и у кельтов и германцев на определённых этапах их развития. Однако при сравнении с развитыми формами юридического быта цивилизованной Европы

⁹ А.С. Хомяков. О старом и новом. Соч. в двух томах. Т. 1. М.: Московский Философский Фонд, 1994. С. 457.

¹⁰ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. X. С. 20.

община представлялась ему реликтом обычного права, а вече – «карикатурой на нынешние конституционные монархии». Это свидетельствует, согласно В.Г. Белинскому, о «доцивилизационном» уровне развития России допетровского времени. Поэтому он признавал петровские преобразования не просто необходимым средством перехода от «естественной непосредственности» к цивилизационному европейскому состоянию, но даже predetermined царской волей провиденциальным актом. Воссоздать прежний порядок вещей так же невозможно, «как и переменить порядок годовых времён, заставив за весной следовать зиму, а за осенью – лето»¹¹. В отличие от взгляда В.Г. Белинского на народ, общество и историю России, исходившего из презумпции необходимости её модернизации, славянофилы исходили из признания сохранения цельного характера всей «православно-русской цивилизации» как до, так и после реформ Петра I. Основным оппонент В.Г. Белинского Ю.Ф. Самарин, являясь крупнейшим среди славянофилов специалистом по крестьянскому вопросу, оценивал общину не столько как хозяйственное или правовое, но как духовное, мироустроительное явление, считая её фундаментом православной цивилизации, а «общинное начало» называл «освящённым и оправданным началом духовного общения, внесённым в него церковью»¹².

Споры о личности и реформах Петра I получили наиболее острое продолжение в русском послеоктябрьском зарубежье XX века. В их орбиту были вовлечены практически все философы в эмиграции, включая Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.Б. Струве, Г.П. Федотова и других, обсуждавшие такие небывалые ранее события как Мировая война и Русская революция. Наиболее радикальная критика преобразований Петра I была дана евразийством (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский и другие). Разъясняя в письме к П.П. Сувчинскому от 23 февраля 1925 года суть своего отношения к реформам Петра I, основатель евразийства Н.С. Трубецкой прибегает к сравнению личности и деяний Петра I с большевизмом. Как известно, параллель «Пётр – первый большевик» разделял и Н.А. Бердяев, высказывавший критическое отношение к евразийству, но вместе с тем называвший его единственным последовательным пореволюционным течением в русском зарубежье. Суть деяний Петра I Н.С. Трубецкой определил как «соединение империализма с оскорблением национального чувства и религиозных основ русской

¹¹ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. X. С. 19.

¹² Ю.Ф. Самарин. О мнениях «Современника», исторических и литературных. Избранные произведения. М.: Росспэн, 1996. С. 431.

жизни»¹³. При этом Н.С. Трубецкой ссылается на то, что сравнение царя Петра с большевиками является не его личным, а народным мнением: с одной стороны, народ прельщается демагогией типа «царь-плотник» и тому подобными, с другой стороны, народ и тут и там чувствует дух антихриста. Вот почему народ считает, что Петра нельзя почитать и чествовать, а за него можно только молиться. Космополитизм петровских реформ и большевизм внутренне близки, поскольку одинаково полагают нахождение центра русской культуры не в ней самой, а вне её – в «романо-германстве» или в «пролетарском интернационализме», тем самым лишая отечественную культуру её собственного национального содержания. Отсюда понятно, что в состав «нового романо-германского шаблона» П.Н. Савицкий включал также и большевизм. И тот, и другой внутренне близки и равным образом заслуживают осуждения и радикального пересмотра в сторону того, что князь Н.С. Трубецкой называл «оправданием национализма». Для безнационального большевистского интернационализма национализм являлся тягчайшим грехом и главнейшим табу, и снятие этого проклятия евразийцы считали первой своей задачей. При этом речь вовсе не шла об имперском политическом национализме, шовинизме; слово «нация» в евразийском лексиконе было заменено на слово «народ», причём последний определялся не в этническом (тем более в моноэтническом) смысле. У евразийцев речь шла об «общеевразийском национализме» – антиподе как имперскому романо-германству, так и большевизму. Более того, интернационализм, проповедуемый марксизмом, является наиболее законченной, «обнажённой» формой романо-германства, поскольку он не даёт отдельным людям и народам познать самих себя и стать самими собой, и даже наоборот, заставляет их «быть не тем, что они есть». Проповедуемое марксизмом восстание «низов» против «верхов» является мнимым, поскольку, по словам Н.С. Трубецкого, «те, кто из низов, пролезет в верх, сами сделаются такими же, как те, кто сейчас наверху». В этом отношении идеи социализма и коммунизма принципиально не отличаются от романо-германства, являясь на самом деле его последней и наиболее изощрённой формой.

В любой культуре существуют различия между «верхами» и «низами», но дистанция между ними не должна быть непроходимым барьером, препятствующим сообщению между ними. Именно такой барьер был создан в ходе петровских реформ, нарушивших преемственное развитие русской культуры и явившихся не

¹³ Н.С. Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермашиной. М., 2008. С. 384.

продолжением, а отрицанием Московской Руси. Разумеется, процесс преемственного развития культуры не отрицает, а предполагает возможность заимствования инокультурных ценностей; так произошло в допетровскую эпоху, когда византийское православие было усвоено сперва «верхами» Древней, а затем и Московской Руси и когда в основе процесса движения культуры было распространение восточного христианства на «нижних этажах». Более изощрённая, несущая на себе отпечаток индивидуальностей её творцов культура книжников Московской Руси может отличаться по степени своего развития от низовой культурной массы, но всё же это различия и оттенки внутри единой культуры. Приходится говорить не только о внешнем сходстве большевизма с петровской реформой, но и о внутренней генетической их связанности, ибо культурный разрыв между «верхами» и «низами» сыграл роль предпосылки русской революции.

По оценке Н.Н. Алексеева, ведущего философа права евразийцев, официальная политика Российского имперского государства, сложившаяся в эпоху царствования Петра I, положила основу для институционализации такого отрицательного явления как «русское западничество». По Н.Н. Алексееву, оно включает в себя три основных проявления: реакционная государственная политика, в основе которой стремление стать похожей на Пруссию, забыв и поправ самобытный исторический опыт допетровской Руси; а также либерализм и радикализм. Либерализм как форма русского западничества «всегда был чем-то кабинетным и отвлечённым, не умел войти в жизнь и потому потерпел решительный крах в эпоху революции»¹⁴. Если западническая политика имперского государства пыталась привить России «начала старого европейского порядка», то либерализм ставил своей целью распространять принципы «просвещённой» Европы. Радикализм также стал болезненным проявлением западничества (в основном в форме социализма и марксизма). Характерные для евразийских коллективных сборников заголовки типа «Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (подзаголовок первого евразийского сборника «Исход к Востоку», 1921) и «Утверждение евразийцев» (подзаголовок второго сборника «На путях», 1922) отражали устремленность евразийцев в будущее, а не в прошлое. Основатели евразийства – Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий и П.П. Сувчинский исходили из убеждения в том, что периоду петербургской имперской модернизации, идущему от реформ Петра I, положен конец, и XX век, а именно Мировая война и Русская революция, открыли новый, евразийский

¹⁴ Н.Н. Алексеев. Русское западничество // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. С. 127.

период отечественной истории, которому принадлежит будущее. Катастрофические события лишь ускорили выпадение России из европейского исторического бытия, что было подготовлено общим характером этногеографического месторазвития России-Евразии, где сформировались особые ценностные, ментальные, культурно-хозяйственные и иные связи, скрепившие этот «континент-океан». На этом фоне реформы Петра I выглядят лишь эпизодом, который мог внести временный разрыв, но не смог переломить неуклонное течение потока русско-евразийской исторической жизни.

Работы Г.В. Флоровского и Г.В. Вернадского способствовали преодолению комплиментарного для царствующей династии Романовых взгляда на историю, предполагавшего её выборочное освещение, в том числе превознесение «витринных достижений» эпохи Петра Великого, замалчивание роли «монголосферы» в становлении русской государственности, а также мифы о неразвитости и невежественности культуры Древней Руси. Как застарелый предрассудок, не выдерживающий серьёзной научной критики, Г.В. Флоровский оценивает концепцию П.Я. Чаадаева о «роковом выборе» для Руси её христианизации по образцу «жалкой Византии», главным результатом чего было, согласно П.Я. Чаадаеву, последующее отделение «нецивилизованной» России от цивилизованной Европы. В противоположность этому, основываясь на своих обширных познаниях в области византологии (которыми П.Я. Чаадаев не обладал), Г.В. Флоровский уже на первой странице «Путей...» утверждает, что «В X веке Византия вовсе не была в упадке. Напротив, это была одна из эпох византийского расцвета и возрождения. И более того, в X веке Византия была, строго говоря, единственной страной подлинно культурной во всём «европейском» мире»¹⁵. Выступает Г.В. Флоровский и против принижения кирилло-мефодиевской традиции, благодаря которой Русь получила Библию в славянском переводе. В противоположность Г.Г. Шпету и Г.П. Федотову он пишет, что для русской культуры это отнюдь не было «ошибкой или неосторожностью», якобы явившейся тормозом для культуры. В действительности славянский перевод, по Г.В. Флоровскому, ближе к греческому оригиналу, чем распространённый на Западе латинский вариант перевода Библии: «Славянский язык сложился и окреп именно в христианской школе и под сильным влиянием греческого церковного языка, и это был не только словесный процесс, но именно сложение мысли. Влияние христианства чувствуется значительно дальше и

¹⁵ Флоровский Георгий прот. Пути русского богословия, Париж, 1937. С. 1–2.

глубже собственно религиозных тем, чувствуется в самой манере мысли...»¹⁶.

Самое распространённое, а по сути господствующее умонастроение в среде русской эмигрантской молодёжи, которое прежде всего отразило евразийство, можно определить как психологическое антизападничество. Если французские изгнанники – аристократы, бежавшие от Французской революции в XVIII веке, были встречены в России сочувственно и жалостливо, окружены вниманием и наградами, то русские эмигранты в Европе были всеми брошены и забыты. Естественной историософской и культурологической реакцией на эту пореволюционную ситуацию в русском зарубежье стало критическое отношение к деяниям и личности Петра I, «прорубившего окно в Европу» и ставшего в глазах русских изгнанников первопричиной того враждебного и неприязненного отношения романо-германских «общечеловеков» к русскому народу, которое каждодневно ощущалось в зарубежье. Наиболее убедительным выразителем критики петровской имперской модернизации стал молодой гениальный филолог и лингвист (знал 49 иностранных языков) князь Н.С. Трубецкой, автор книги «Европа и человечество» (София, 1920). Коренным изъяном петровских реформ Н.С. Трубецкой считал одностороннюю ориентацию царя-реформатора на романо-германскую культурно-цивилизационную матрицу, на её усвоение и имитацию в условиях России. Тогда как западнический вектор вовсе не исчерпывает всё многообразие этногеографических зон, в которые включена многосоставная культура России, ибо она включает в себя и Восток, и Запад, и Север, и Юг, являя собой образ не какой-то локальной цивилизации, а человечества в целом и всечеловеческой культуры.

Большинство евразийцев тяготели не к академическому богословию, а к свободной религиозной философии, у которой они и унаследовали главный пафос и основную проблематику русской идеи. Не случайно они получили у Ф.А. Степуна характеристику «славянофилов эпохи футуризма». Евразийцы выступили основными продолжателями религиозной философии русской идеи в послеоктябрьском русском зарубежье. Однако в отличие от её основателя В.С. Соловьёва, считавшего основным духовным заданием и служением России её историческую миссию быть мостом между христианским Востоком и Западом, евразийцы открыто признали и провозгласили не христианское самоотречение, а существование собственных национальных, исторических, духовно-метафизических интересов и заданий России. Россия не может быть «усыновлена» ни в одном из существующих

¹⁶ Флоровский Георгий прот. Пути русского богословия, Париж, 1937. С. 6.

цивилизационных образований, в противоположность тому, за что ратовали её «усыновители» – русские западники, ибо её «неусыновленность» определяется тем, что русский народ является народом историческим, имеющим своё собственное историческое пространство, месторазвитие и собственную русскую идею.

Формула В.С. Соловьёва о христианском самоотречении России и о том, что идея нации не есть то, что она думает о себе во времени, а есть то, что «Бог думает о ней в вечности», была пересмотрена евразийцами в сторону обоснования «истинного национализма» (Н.С. Трубецкой). Религиозная философия русской идеи приобретает новое «инструментальное» содержание, нашедшее своё выражение в принципиальной евразийской установке на то, что «истинная идея и есть смысл самой действительности» и поэтому следует «двигаться от жизни к идее так же, как от идеи к жизни». П.Н. Савицкий был последовательным сторонником подхода «от жизни к идее» и понимал русско-евразийскую идею как хранилище ценностей не только метафизических и религиозных, но также идущих от «самой насущной вещной реальности», поэтому «мы (евразийцы – прим. М.А. Маслина) метафизичны и в то же время этнографичны, географичны»¹⁷.

По-европейски настроенное сознание интеллигенции, которая наряду с империей является главным продуктом реформ Петра I, должно измениться коренным образом. Европеизированная интеллигенция должна стать евразийско ориентированной, нацеленной на устранение разрыва между верхами и низами культуры, её духовное самосознание призвано давать направление развитию культуры, отстаивать её национальное своеобразие, духовные ориентиры.

В отношении формы будущего государственного устройства евразийцы стояли на позиции непредрешиения, но в любом случае были противниками как «дофевральской», так и какой-либо модернизированной Российской империи. Вот почему в корне неверной является позиция известной французской исследовательницы М. Ларюэль относительно того, что все мысли евразийцев были направлены на воссоздание России как империи¹⁸. Однако критика евразийцами имперской реформы Петра I вполне убедительно доказывает обратное, а именно то, что европейская германо-романская идея империи, по их мнению, оказалась пагубной для России, чреватой революцией, поэтому её необходимо заменить на евразийскую идею-правительницу.

¹⁷ Евразийский временник. Непериодическое издание под ред. Петра Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Кн. III. Берлин, 1923. С. 7.

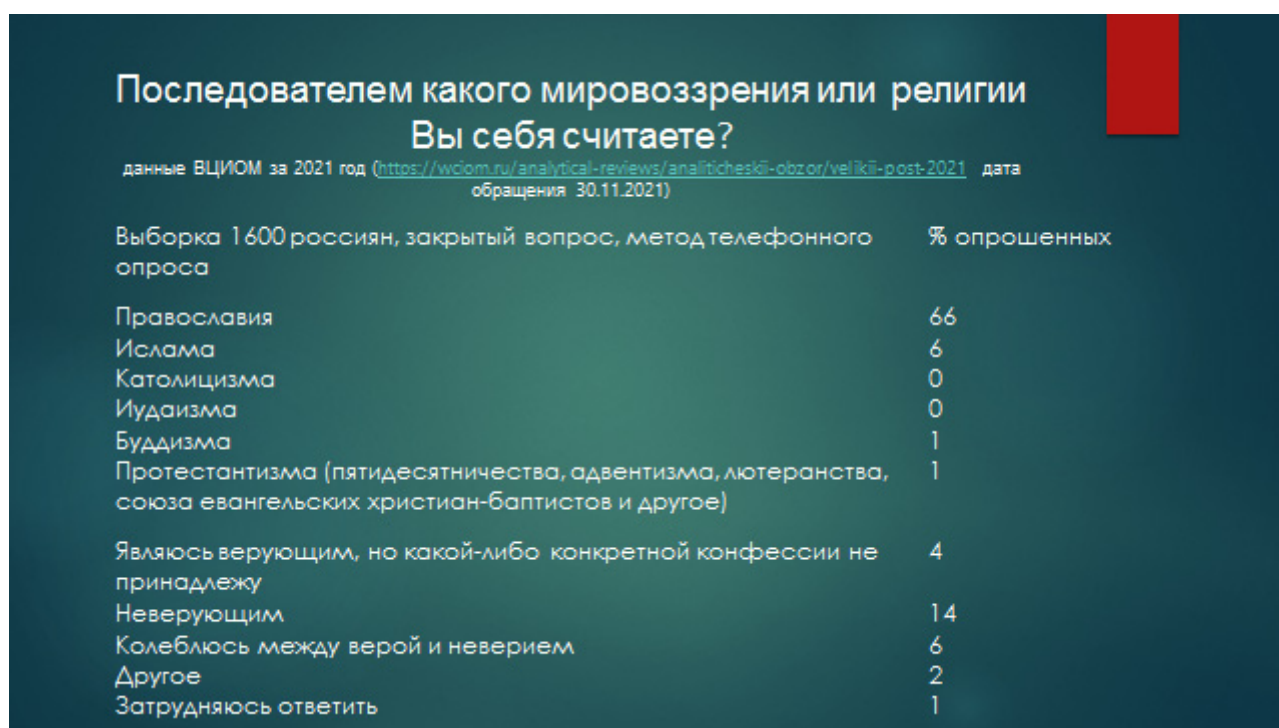
¹⁸ Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004.

В.В. СЛЕПЦОВА,
научный сотрудник Института философии РАН

АТЕИЗМ В ОБЪЕКТИВЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ XXI ВЕКА

Уважаемые участники семинара! Я хотела бы заострить ваше внимание на второй части названия семинара, а именно – секулярный мир и религиозность. Я бы предложила перенестись в современность, чтобы рассказать немного о таком любопытном феномене секулярного сознания, как атеизм, причём не просто атеизм, а атеизм в объективе российской науки XXI века.

Современное российское общество плюрально. Как показывают многочисленные социологические опросы, наряду с верующими в России существуют люди, не позиционирующие себя таковыми¹⁹.



Плюральность современного российского общества, безусловно, порождает определённые сложности во взаимодействии между представителями секулярных и религиозных мировоззренческих позиций. При этом как одни, так и другие склонны к стереотипизации противоположной стороны, навешиванию друг на друга ярлыков,

¹⁹ Например, отчеты в базе данных Фонда общественное мнение: <https://bd.fom.ru/cat/cult/rel_rel>), отчеты ВЦИОМ: <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>>.

зачастую нелестных. И подобная ситуация представляет собой, по сути, замкнутый круг – чем резче отношение с одной стороны, тем резче и реакция с другой. Одним из способов выхода из этого круга является объективное изучение обозначенных процессов религиоведами, культурологами, социологами, философами религии. Кроме того, внутри корпуса наук о религии особое место занимает изучение феномена, получившего в отечественной традиции устоявшееся, однако подвергающееся в настоящий момент критике и переосмыслению название «свободомыслие»²⁰, раздел религиоведения, посвящённый изучению такого феномена, как неверие. Необходимо отметить, что категория «неверующие» внутри себя не однородна и включает разнообразные мировоззренческие позиции, – индифферентно относящиеся к религии, антиклерикалы, антитеисты, гуманисты, нигилисты, атеисты и так далее.



Атеизм – одна из наиболее часто встречающихся самоидентификаций людей, не причисляющих себя к верующим, а также одна из наиболее разработанных категорий в отечественной науке. И хотя на рубеже XX и XXI веков изучение атеизма российскими

²⁰ В строгом смысле «свободомыслие» и «неверие» синонимами не являются, равно как и не являются в достаточной степени удачными терминами для описания исследуемого феномена и области исследования.

исследователями велось не слишком активно, в настоящее время наблюдается тенденция усиления интереса к нему.

Основное внимание отечественных исследователей привлекает анализ (не только историко-философский, но и критический) современных крупных зарубежных представителей атеизма (Докинз, Хитченс, Деннет, Стэнджер²¹), а также мыслителей прошлого²². Выходят переводы книг философов-атеистов. Например, перевод известнейшей работы Джона Шелленберга²³, посвящённой разработке аргумента от сокрытости Бога. Активно ведутся разработки полемического аспекта теистического мировоззрения и атеизма. Здесь наряду с переводами²⁴ существует значительное количество работ отечественных исследователей, которые не только анализируют аргументацию сторон, но и выдвигают собственные идеи²⁵.

²¹ В.В. Слепцова. Англо-американское свободомыслие XIX – начала XX века и рецепция его идей «новыми атеистами» в XXI веке // У истоков религиоведения. Из истории зарубежного религиоведения XIX – первой половины XX века: коллективная монография. Под общ. ред. В.В. Барашкова, Д.С. Дамте, С.А. Панина. М.: ЛЕНАНД. 2018. С. 196–223; Е.Г. Стрельцов. Предпосылки возникновения «нового атеизма» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2017. № 1. С. 211–215.

²² З.А. Тажуризина. Понятие атеизма в античной философии // Из истории свободомыслия. Очерки разных лет. М.: Академический проект. 2017. С. 31–41; М.М. Шахнович. Сад Эпикура. СПб: Изд-во СПбГУ, 2002.

²³ Дж. Л. Шелленберг. Сокрытость Бога и разум человека / Пер. с англ. П.А. Бутакова; науч. ред. А.М. Гагинского. М.: Академический проект. 2021.

²⁴ Например, Харрис С. Конец веры: религия, террор и будущее разума. М.: Эксмо, 2011. Его же, Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей. М.: Карьера Пресс, 2015. А также Харт Д.Б. Иллюзии атеистов. Христианская революция и ее новомодные критики. / пер. с англ. дьякона П. Лонгана. М.: Никея. 2021.

²⁵ Например, И.Г. Гаспаров. Зло и атеизм: онтологические и этические предпосылки аргументов от зла // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 53–68; К.В. Карпов. Привационная трактовка зла в религиозном и натуралистическом мировоззрениях // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 134–145; Лушников Д. Теизм и «новый атеизм»: к вопросу о полемике А. Плантинги и Д. Деннета // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1 (2). С. 19–32; А.В. Серегин. Об аксиологическом атеизме // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 420–434; В.К. Шохин. Проблема зла: теодицея и апология // Вестн. ПСТГУ. Сер. I: «Богословие. Философия. Религиоведение». 2016. № 5 (67). С. 47–58.

Трактовки атеизма разнообразны

Признание самодостаточности естественного мира (природы) и естественного (человеческого) происхождения религии. С этим связано отрицание сверхъестественного бытия... Атеизм - одна из наиболее последовательных в критике религиозных представлений форм свободомыслия в отношении религии.

[З.А. Тажуризина Атеизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. 2006. С. 79].

Атеистам довольно часто приходится (я бы не сказал – удается) парировать тот упрек, что они, отвергая религиозную веру на «научных основаниях», сами придерживаются не столько науки, сколько определенной веры - веры в то, что наука... в состоянии объяснить (и разъяснить) все, что есть, было и будет в мире, не прибегая ни к каким «лишним гипотезам».

[В.К. Шохин Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия СПбДА. 2018. 1(2). С.6]

Осмысливается наследие советского периода²⁶. Существует масса литературы того времени, посвященной атеизму, очень разная по своему качеству. И если прежде прослеживалась тенденция негативного отношения к этой исследовательской литературе, то в настоящий момент наблюдается скорее стремление к критическому переосмыслению. Стало ясно, что отечественная традиция XX века не так однобока, как может представляться на первый взгляд. В частности, она обладает развитым понятийным аппаратом, полностью отбрасывать который представляется крайне неразумным, хотя бы потому, что он в определенной степени приложим и к описанию феноменов, возникающих в современном обществе.

Существует также некоторое количество работ последних лет, посвящённых современному состоянию атеизма в России, отношению в современном российском обществе к атеизму и атеистам²⁷. Есть работы, затрагивающие не только проблемы атеизма, но и шире – контекст российского свободомыслия в целом и вопрос дифференцирования

²⁶ Например, К.А. Колкунова. Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1950–1960-х годов // Наука о религии. Научный атеизм. Религиоведение. Актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI века: Коллективная монография. М.: ПСТГУ. 2014; З.А. Тажуризина. Гуманистичен ли советский атеизм? // Из истории свободомыслия. Очерки разных лет. М.: Академический проект. 2017. С. 400–408.

²⁷ П.А. Баёв. Атеизм и атеисты в современной России // Аналитика культурологии. 2011 (20). С. 1–7.

атеизма от других мировоззренческих позиций в среде так называемых организаций свободомыслящих Москвы и Санкт-Петербурга²⁸.

Несмотря на рост исследовательского интереса к атеизму, в этой области существует множество интереснейших научных задач, которые ещё предстоит решить.

Очень важной представляется задача по формированию однотипного общепринятого понятийного аппарата. Хотя понятие «атеизм», как подчеркивалось выше, – одно из наиболее определённых категорий, обозначающих людей, не принадлежащих к каким-либо религиям и конфессиям, определений его существует множество, они не всегда соотносимы между собой и во многом зависят от мировоззренческой установки, принимаемой тем или иным исследователем. Разные исследователи выделяют разные особенности и характеристики атеизма. Так, согласно определению, данному З.А. Тажуризиной, атеизм признаёт самодостаточность природы, отрицает сверхъестественное бытие и является наиболее последовательной формой свободомыслия в отношении религии²⁹. Согласно другим определениям атеизм – это противоположность теизма, не являющаяся, по сути, самостоятельным мировоззрением и страдающая теми же заблуждениями, которые критикует в религиозном сознании. Так, В.К. Шохин подчеркивает, что «атеистам довольно часто приходится... парировать тот упрек, что они, отвергая религиозную веру на «научных основаниях», сами придерживаются не столько науки, сколько определённой веры – веры в то, что наука... в состоянии объяснить (и разъяснить) всё, что есть, было и будет в мире, не прибегая ни к каким «лишним гипотезам»³⁰.

Другой важной задачей представляется применение новых методов гуманитарных дисциплин. Если для отечественной традиции XX века был характерен главным образом анализ текстов тех или иных философов и общественных деятелей (история и теория свободомыслия), то в настоящий момент разработано значительное количество методов, применимых для более широкого изучения феномена неверия в целом и атеизма в частности. Среди них, например, качественные и количественные исследования, такие как

²⁸ Е.И. Коростиченко, В.В. Слепцова. Российское организованное свободомыслие в мегаполисах на примере Москвы и Санкт-Петербурга // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 92. С. 98–122.

²⁹ З.А. Тажуризина. Атеизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. 2006. С. 79.

³⁰ В.К. Шохин. Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия СПбДА. 2018. 1 (2). С. 6.

опросы, анкетирование, интервью, трансимволический анализ³¹ и так далее. Возможно, также продуктивным был бы междисциплинарный подход к исследованию неверия.

Направления исследований

- ▶ Формирование однотипного общепринятого понятийного аппарата;
- ▶ Применение новых методов гуманитарных дисциплин;
- ▶ Исследование мотивации атеистической самоидентификации;
- ▶ Исследование становления мировоззренческой позиции.

Для таких областей науки, как социология религии и психология религии крайне значимым представляется обращение к исследованию мотивации атеистической самоидентификации респондентов и становления их мировоззренческой позиции.

Подводя итоги, следует выразить надежду на то, что всё большее число молодых религиоведов, философов, социологов и культурологов будет привлекать исследование такого сложного, значимого в настоящее время феномена как атеизм.

³¹ П.А. Баёв. Атеизм и атеисты в современной России // Аналитика культурологии. 2011 (20). С. 1–7. Трансимволический анализ был применён для контент-анализа СМИ, что предполагало анализ социального дискурса по нескольким направлениям: «частота упоминания, объём внимания (производное строк и знаков материала, посвящённого той или иной категории), суммарный (по первым двум направлениям) рейтинг категории, оценочный контекст (положительная и отрицательная оценка), доминирующая символическая триада (К-А-Д-символы). При этом положительная оценка формируется за счёт информации позитивного, нейтрального, и проблематично-сочувствующего характера, а отрицательная – за счёт информации негативного и проблематично-осуждающего характера. Доминирующая символическая триада стратифицируется на следующие принципиальные символы, обусловленные главными частями речи: когнитивный (К-символ, имя существительное), возникающий в процессе первичной сигнификации и наделяющий конкретные предметы, процессы и явления знаками; аффективный (А-символ, имя прилагательное), возникающий в процессе вторичной сигнификации, обозначающий признак предмета как морфологического, так и содержательного порядка; деятельностный (Д-символ, глагол), обозначающий действие или состояние предмета, отражающий связи и взаимодействия, в которые вступают между собой предметы, процессы и явления» (с. 6–7).

М.М. МЧЕДЛОВА,
*заведующая кафедрой сравнительной политологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов*

ОТ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПЕТРА I К СОВРЕМЕННЫМ ДИСКУССИЯМ О СВЕТСКОСТИ

Позвольте присоединиться ко всем прозвучавшим сегодня идеям, но посмотреть на поставленную проблему немного под иным углом зрения. Мне кажется, что ракурс политического целеполагания позволит понять метафизику взаимоотношений между государством и религиозными организациями не только на протяжении истории, но и в том числе – почему Пётр I действовал именно так, как он действовал?

Исторический опыт свидетельствует, что логика прагматико-политических и социальных изменений в России не укладывается в классический модернизационный сценарий. И когда мы говорим о Петре I, как о великом модернизаторе, уже сегодня прозвучавшие доклады показали, насколько это неоднозначно и насколько мы не можем это рассматривать в тех же понятиях или в тех же стратегиях, если рассматривать модернизацию, как таковую, или политическую модернизацию в либеральной парадигме модернизации.

Цели, способы и методы модернизации в России неизменно приобретают политическое звучание. Именно политические цели являются катализатором модернизации, политические методы осуществления – основными рычагами, а политическая власть выступает инициатором и субъектом модернизации, что обусловлено метафизикой России как субъекта исторического творчества. И как перспективы модернизации, так и исторические ретроспекции становятся полем специфической идейной политической конкуренции, которая постоянно воспроизводит ключевые параметры аргументации западников и славянофилов, о чем говорил уже профессор Михаил Александрович Маслин.

Мне кажется, что, когда мы задумываемся об этом, мы неизбежно сталкиваемся, с одной стороны, с доминирующей традиционной парадигмой, в которую укладываются стратегии секуляризации, а с другой стороны, с акцентацией охранительских императивов, которыми это кумулятивным эффектом накладывает отпечаток на нашу оценку логики и философии целеполагания реформирования в России, и прежде всего логику и философию целеполагания Петра I.

Можно констатировать, что подобные ситуации характерны для России. И В.О. Ключевский, оценивая стратегию реформ Петра I,

говорит о том, что реформа пронеслась над народом, как тяжёлый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой. Наверное, эту загадку мы разгадываем и сегодня.

Я хочу отметить, что Пётр I поменял логику государственного устройства – он ввёл идею служения. То есть у него отношение к стране не как к собственной вотчине, а как служение государству, как общему благу. Пётр I стал служить государству, как общему благу. Хотя, конечно (и сегодня это уже звучало), были далеко не однозначные оценки Петра I в общественном сознании: с одной стороны, что государь служит, но, с другой стороны, были и иные интерпретации, которые, например, нашли отражение в таком бытовавшем лубке, как «Мыши кота хоронили», что хорошо описано у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке». Это две противоположные оценки стратегии реформ Петра I.

Если мы говорим о религиозных институтах, то обращаем внимание, что религиозные институты изначально были не субъектом, а скорее инструментом политической целесообразности и реформирования, поскольку сам факт принятия христианства имел политический смысл. Пётр Струве, несмотря на свой либерализм, заявлял о том, что православие имело решающее значение для национального самосохранения славянства. Владимир Соловьёв в «Оправдании добра» поддерживает включение церкви в государственное администрирование тем, что Отечество пребывало единственной христианской страной, где национальное государство без оговорок утверждало свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности, орудием мирской власти, где устранение божественного авторитета не уравнивалось свободой божественного авторитета и свободой человеческого духа.

Однако объединение государственных и религиозных институтов под эгидой верховной власти не позволило религиозным институтам стать самостоятельными субъектами целеполагания и развития, как и теократической идее, которая являлась на католическом Западе действительно идеей церковной, а в православной России является идеей государственной, на чём настаивал наш известнейший историк Фёдор Степун.

Конечно, сегодня уже обращались к событийной реконструкции взаимоотношений религиозных институтов, власти и государственного управления. Я позволю себе штрихами вернуться к этому. Мне кажется, что точкой отсчёта институционального подчинения церкви государству, наверное, можно считать высылку великим князем Василием II Тёмным митрополита Исидора, который подписал Флорентийскую унию.

Затем – деятельность митрополита Ионы, при котором церковь ещё раз продемонстрировала свою опору для государства и выступила

универсальным институтом, который был способен сохранить и обеспечить выживаемость российского общества, когда государство переживало Смутное время.

Затем введение, оформление модели полного подчинения монаршей власти чётко прослеживается в противостоянии Алексея Михайловича и патриарха Никона. А вот процесс политического подчинения религиозных институтов государственным окончательно был завершён решением Петра I ликвидировать патриаршество, ввести Коллегию по делам духовным, бюрократический Священный Синод с обер-прокурором во главе. И, как писал Фёдор Степун, превратившись из московского царства в петербургскую империю, Россия всё же сохранила цезаропапистский строй в своей государственности, оба меча – светский и духовный – остаются в руках верховного правителя России, но подчинение духовного меча светскому усиливается. Эта тенденция не была переломлена даже эпохой больших потрясений 1917 года, несмотря на предшествующие шаги (о ней уже говорили – и о Екатерине, и о манифесте 1903 года, и о восстановлении института патриаршества), а к сожалению, наоборот, это привело к окончательному ослаблению церковных, религиозных институтов, что было отягощено ещё больше очень жёсткими секулярными и атеистическими идеями и методами.

Что происходит сегодня? Сегодня, мне кажется, сопрягаются две тенденции. С одной стороны, это историческая метафизика, взаимоотношения церкви и государства, которая подчинена логике становления России как субъекта исторического творчества. С другой стороны, это возвращение религии, религиозных смыслов в публичные сферы. Это позволило появиться термину «религиозное возрождение» в России, которое выразилось не только в увеличении количества верующих, но и в повышении значимости, авторитета и влияния религиозных институтов. Более того, если обратиться к цифрам, то последствия религиозного возрождения в России россиянами оцениваются так: 30 процентов говорит, что оно играло положительную роль; 55 процентов – что оно имело различные последствия, но прежде всего положительные, и только 10 процентов говорит об отрицательных последствиях религиозного возрождения.

Соответственно, активное проникновение религиозных организаций, прежде всего Русской православной церкви, в гражданскую и социальную сферы позволяет им использовать свои основные ресурсы, что служит укреплению общества, – это социальное служение, солидарный потенциал, ценностно-нравственная нагруженность, о которой мы все время говорим.

Но есть и вторая сторона – это сегодняшняя дискуссия о светскости. Причем копыя ломаются самые серьёзные.

Я бы выделила три сюжета, которые, как мне кажется, сегодня как бы маркируют эту дискуссию, которая во многом лежит в логике, заложенной ещё Петром I.

Во-первых, возникающая конфликтность, которую мы всё время видим между светским и религиозным, во многом связанная с медийным освещением и как бы с политизацией религиозных смыслов. Если идет спор, например, строить бассейн или торговый центр, то это не воспринимается как конфликтность в медийном пространстве, а если – храм или парк, или церковь или парк, то тут же возникает конфликтность и тут же происходит столкновение интересов.

Мне кажется, политизация этих сюжетов накладывает очень большой отпечаток и несёт не самые лучшие для общества, да и для участвующих в конфликтах сторон, последствия.

Второй сюжет. Ни в одном нормативном документе – ни в национальном, ни в международном – нет определения светскости. Ни в одном. В конституциях трёх стран Европы, включая Россию, записан принцип светскости, но нигде нет его определения. Во всех остальных европейских странах религия или религиозные институты в том или ином виде присутствуют в основном законе или в других законах. И сегодня в условиях, когда религиозные организации во многом участвуют в публичных сферах и несут на себе огромную тяжесть такого социального служения, миротворческого потенциала, помощь в восстановлении справедливости и преодолении неравенства, возникают дискуссии, которые тоже не всегда имеют позитивно окрашенную направленность.

И третий момент. Конечно, возвращение религии и религиозных смыслов в публичные сферы и нашу жизнь, не только в сознание каждого конкретного человека, но и в публичные сферы, начинает находить отражение в признании значимости религиозных организаций в качестве основополагающих для выстраивания России как культурной традиции, России как цивилизации, России как государства и России как субъекта исторического творчества.

Тут стоит отметить очень удачно найденную формулировку части 2 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, о том, что «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство», которая ещё раз подчёркивает логику существования религиозных институтов в пространстве России, а также то, насколько они являются значимыми для культурно-исторического и современного поддержания государственного единства в России.

К.И. МОГИЛЕВСКИЙ,
*исполнительный директор фонда
«История Отечества»*

О ПРОЕКТЕ DIGITAL ПЁТР

Уважаемые коллеги! Тема «Пётр I и православная церковь» говорит не только о глубине мысли организаторов этих мероприятий, но и об определённой смелости, потому что важно говорить о том (и сегодня об этом уже говорили), что Пётр I и церковь – это не только упразднение патриаршества, не только учреждение Синода. В первую очередь Пётр I – русский православный царь, и то расширение России, то расширение российского влияния, которое наблюдалось при Петре I, это расширение и влияния православия тоже.

Есть совершенно практические сюжеты, о которых, мне кажется, нужно говорить и сейчас, и в рамках Рождественских чтений. При Петре I вполне активно велось церковное строительство, строительство зданий православных храмов. Я не говорю здесь о Петербурге (хотя о нём, конечно, нужно говорить), но даже если мы посмотрим, что происходило здесь, в Москве... Сретенский монастырь – это монастырь, который был построен или достроен ещё в юные годы Петра I, но основной собор – Преображенский собор Сретенского монастыря расписан был в первом десятилетии XVIII века, это абсолютно петровская история.

Должен сказать, что коллеги из Сретенского монастыря обратились в Российское историческое общество с просьбой оказать содействие в популяризации замечательной работы, которая там проведена, по реставрации фресок петровского времени. Мы обратились к меценатам, и меценаты поддержали издание альбома с этими фресками. Этот замечательный памятник Петровской эпохи – свидетельство того, что и церковная жизнь при Петре развивалась. И изображения этих фресок будут выставлены здесь, в Совете Федерации, в рамках Рождественских чтений.

И второе, о чём я хотел бы сказать. В преддверии 350-летия со дня рождения Петра I основное его наследие, рукописное наследие, уже давно обрабатывается и публикуется. В своё время ещё к 200-летию со дня рождения Петра Великого в 1872 году было принято решение об издании его рукописного наследия. Было задумано серийное издание –

письма и бумаги Петра Великого. Первый том вышел спустя 15 лет – в 1887 году. И так дальше они шли по хронологии. В следующем году мы ожидаем выхода первой книги за 1714 год.

Вся эта работа идёт поступательно, планомерно, не очень быстро. Я думаю, если она дальше пойдет такими же темпами (напоминаю, что Петр I скончался в 1725 году, впереди ещё 11 лет интенсивной жизни и государственной деятельности), то можно ожидать её завершения примерно к 500-летию этого великого русского царя.

Почему так медленно? Не в последнюю очередь потому, что он писал очень много и писал очень плохо. Его почерк очень неразборчив. У нас, что в царской России, что в советское время, что сейчас, пожалуй, не больше 10 специалистов, которые в состоянии разобрать, интерпретировать то, что написал Пётр I. Возникла идея, учитывая уровень развития современных технологий, пригласить для участия в этой работе специалистов в области искусственного интеллекта. Лидер в области искусственного интеллекта – Сбер.

Под эгидой Российского исторического общества был создан научный коллектив, в который вошли учёные Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Российского государственного архива древних актов, Высшей школы экономики. В специальную программу было введено 9 тысяч строк петровских рукописей, ранее распознанных, разобранных по буквам. Это позволило научить базовую программу обращаться с петровским почерком.

Дальше Сбером был объявлен конкурс программистов на улучшение этой программы. И коллектив, победивший в этом конкурсе, смог улучшить её до такой степени, что она распознает 97,5, почти 98 процентов петровских записей. Этот результат подтверждён независимой экспертной комиссией, созданной в Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук. Это прорыв в изучении наследия Петра I, это прорыв в изучении средневековья. За этим – огромная перспектива для изучения не только петровских рукописей, но и средневековых текстов, средневековой скорописи.

Для нас будет большой честью показать на Рождественских чтениях вместе с замечательными отреставрированными петровскими фресками Сретенского монастыря то, как работает эта программа.

М.В. ВДОВИЧЕНКО,
учёный секретарь Института археологии РАН

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА В ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I

Уважаемые коллеги! Я буду рассказывать об архитектурных формах и объёмах.

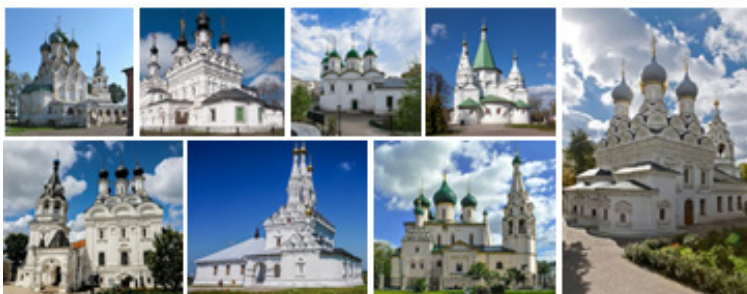
Фёдор Иванович Буслаев в завершении лекции о словесности, прочитанной в 1859 году, заметил, что преобразования различных сторон российской жизни, совершённые Петром I, с одной стороны, были приуготовлены предшествующим развитием русской образованности, а с другой – есть не что иное, как естественное развитие начал, положенных предшествующим столетием.

Как и словесность, пластические искусства, и в частности русская архитектура, в петровскую эпоху претерпели кардинальные изменения. Но кажущаяся молниеносность этих художественных свершений была подготовлена развитием искусства и шире – культуры всего XVII века. В самом начале процесса архитектурного созидания стоит фигура заказчика. В XVII веке в силу экономических и социальных причин на арену каменного строительства, в том числе в церковной архитектуре, вышли купеческие, посадские и стрелецкие объединения, в отличие от предшествующего времени, когда строительство каменных храмов инициировалось в основном царем, церковным иерархом или представителем аристократии. Начиная с середины XVII века это повлекло за собой существенное увеличение числа храмов.



Заказчики XVI в.: царь, церковные иерархи, представители аристократии

Заказчики XVII в.: царь, церковные иерархи, представители аристократии, купцы, посадские люди, стрельцы



Разнообразие архитектурного заказа сохранилось и в XVIII веке. То, что в его начале центром государственного и аристократического строительства стал Санкт-Петербург, совершенно не значит, что в Москве и российских провинциях частное, монастырское, епархиальное и посадское строительство совершенно затихло, хотя законодательная политика первой четверти XVIII века была направлена на максимальное содействие каменному строительству именно в северной столице.



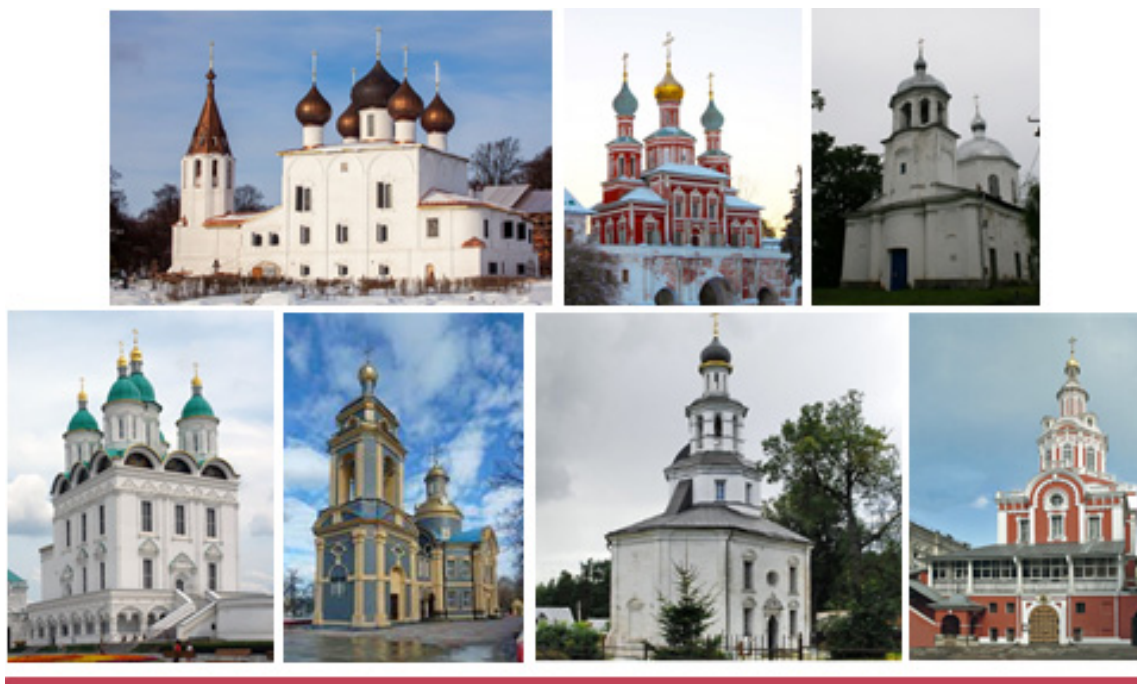
В первой четверти XVIII в. центром **государственного и аристократического** строительства стал Санкт-Петербург. Но в Москве и в российских провинциях **частное, монастырское, епархиальное и посадское** строительство продолжалось

9 октября 1714 года последовал указ о запрещении всякого каменного строения во всем государстве. Несмотря на всю свою строгость, указ действовал в полном объеме недолго. Однако с осени 1714 года до 1718 года каменных зданий практически не делали, было заключено лишь шесть подрядов на каменное строительство. Но уже в 1718 году был снят запрет на каменное строительство в центральных районах Москвы.

Несмотря на указ, в записные книги первой четверти XVIII века попало 530 частных контрактов, заключенных московскими нотариальными учреждениями, из них 208 в сфере каменных работ. Церковное строительство в Москве в этот период представлено 21 подрядом, а монастырское – 11. В подмосковных усадьбах в первой половине XVIII века было сооружено или заложено 39 церквей.

В документах первой четверти XVIII века содержатся сведения о сооружении 56 провинциальных церковных зданий и комплексов.

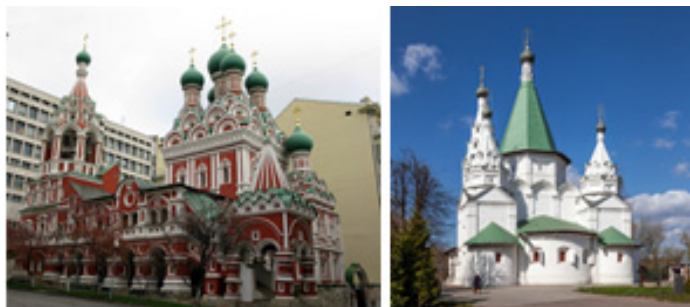
Художественное качество церковной архитектуры эпохи Петра отражает сложность этого периода. Как принято считать, с началом строительства Санкт-Петербурга русская архитектура начала адаптировать европейские классические стили, в основе которых лежит рациональный ордер. Однако это расхожее мнение опровергается анализом архитектурных форм XVII столетия, времени царя Алексея Михайловича и единокровного брата Петра I царя Федора Алексеевича.



Художественное качество церковной архитектуры эпохи Петра I отражает сложность исторического периода

Черты ордерности появляются задолго до эпохи Петра I. Отдельные архитектурные элементы, треугольные фронтоны, колонки наличников и порталов, оформление углов четвериков говорят об ориентации зодчих XVII века на ордерную систему западной Европы.

Черты ордерности в храмовой архитектуре появляются задолго до эпохи Петра



Более того, даже в отсутствие чистого ордера, признаки архитектурного рационализма выявляются и в традиционных соборах времени Алексея Михайловича. В конце его царствования появляются четырёхстолпные храмы, объёмные композиции которых, не отступая от традиционной схемы, демонстрируют рационалистические черты симметрии и центричности. Это достигается впервые в Покровском соборе в Измайлово, любимой резиденции Алексея Михайловича, а потом распространяется в семнадцати храмах последней четверти XVII века.

В отсутствии чистого ордера, признаки архитектурного рационализма выявляются в традиционных византийских композициях соборов времени царя Алексея Михайловича



Крестовоздвиженский собор в Тутаеве

Рождественский собор в Солнгалече

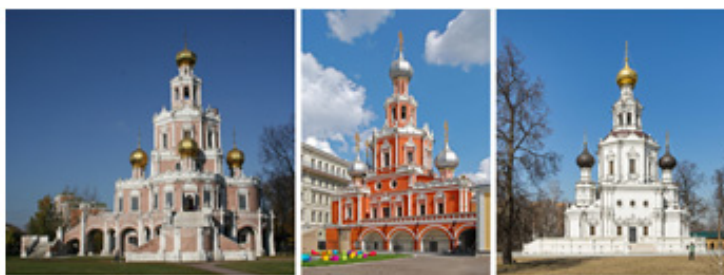
Покровский собор в Измайлово

Успенский собор в Колозие

Успенский собор в Костроме

Первый относительно полный вариант европейского художественного стиля был воплощён в Москве в период регентства царевны Софьи. Он получил название «нарышкинский стиль» по фамилии заказчиков главных его памятников – родственников матери Петра. Наивысшей точкой его распространения стал 1686 год, когда Россия заключила Вечный мир с Польшей.

Москва и Подмосковье.
Частное строительство



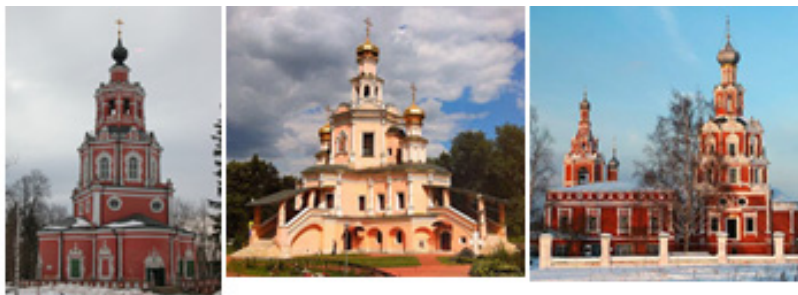
- Церковь Покрова в Филях. 1690–1693 гг.
- Церковь Знаменская (на Шереметевом дворе) в Москве. Рубеж 1680-х – 1690-х гг.
- Церковь Троицы в Троице-Лыкове. 1690–1695 гг.

Нарышкинский стиль – стиль Вечного мира



Польская культура буквально хлынула в Москву, хотя и до этого прослеживаются отдельные художественные контакты. Основные храмы нарышкинского стиля отличаются особой композицией, называющейся «восьмерик на четверике», а также богатейшей белокаменной декорацией с узнаваемыми мотивами, происходящими из ренессансной архитектуры севера Европы.

Москва и Подмосковье.
Частное строительство



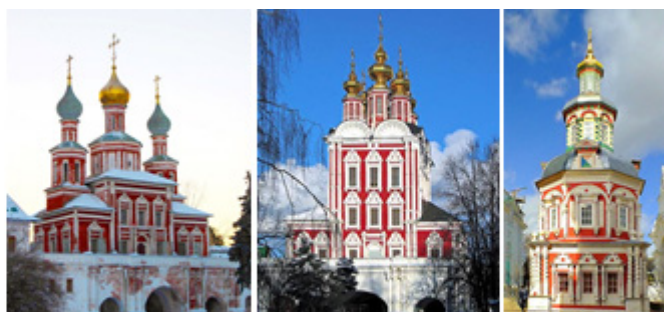
- Церковь Спаса в Уборах. 1694–1697 гг.
- Церковь Смоленская в Сафарине. 1691–1694 гг.
- Церковь Бориса и Глеба в Зюзине. 1688–1704 гг.

Нарышкинский стиль – стиль Вечного мира



Нарышкинская декорация размещалась не только на фасадах новаторских по композиции центричных храмов, традиционные высотные храмы примеряли на свои фасады новые элементы, например, надвратные церкви Новодевичьего монастыря.

Москва и Подмосковье.
Частное строительство

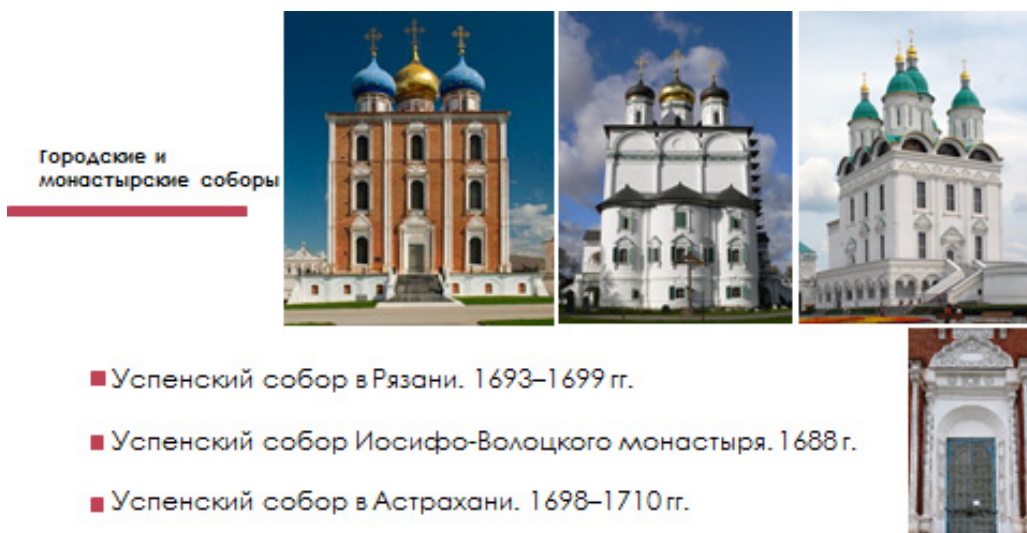


- Церковь Покрова (надвратная) в Новодевичьем монастыре. 1688 г.
- Церковь Преображения (надвратная) в Новодевичьем монастыре. 1687–1688 гг.
- Надкладезная часовня в Троице-Сергиевой Лавре. 1690-е гг.

Нарышкинский стиль – стиль Вечного мира



В архитектуре самого конца XVII века существуют примеры расположения нарышкинской декорации на фасадах традиционных больших соборов – Успенского собора в Рязани, Собора Иосифо-Волоцкого монастыря и Астраханского собора.



Нарышкинский стиль – стиль Вечного мира



Длительная поездка царя Петра I с великим посольством в Европу в 1697–1697 годах резко изменила направление московской архитектуры. Европейские художественные впечатления вылились в новую волну ордерных форм, заимствованных из голландской архитектуры. Новой стиль появился сразу в законченных формах подмосковных усадеб московской аристократии: башенные шпили, балюстрады с вазонами, люкарны и короны. Это всё узнаваемые элементы голландской архитектуры конца XVI и рубежа XVII–XVIII веков.

Москва и Подмосковье.
Частное строительство



- Церковь Николая в Троекурове. 1699–1706 гг.
- Церковь Николая в Полтееве. 1706–1707 гг.

Стиль Великого посольства



В ранней архитектуре самого Петербурга каменных церквей по сравнению с Москвой было не так много. Главный собор Петропавловской крепости стоит у истоков художественного направления, называемого специалистами «петровский барокко». В конце рассматриваемого периода в церковной архитектуре начнут появляться уже совершенно классические барочные композиции.

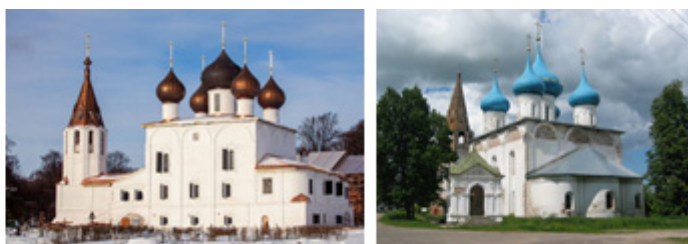
Храмы после основания
Санкт-Петербурга



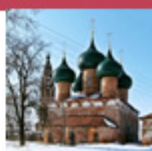
- Петропавловский собор в крепости. 1712–1733 гг.
- Коростынь. Церковь Успения. 1722–1727 гг.

Наравне с ультрановыми художественными процессами, развивающимися в архитектуре российских столиц, провинциальное строительство демонстрирует стойкую приверженность традиционным храмам. Параллельно с барочными столичными храмами на фасадах и в монастырях уездных центров во множестве появляются привычные соборные церкви, как будто намеренно демонстрирующие неизменность времен. Таким образом, само количество церквей петровского времени не показывает спада храмового строительства, лишь на очень короткое время, ограниченное четырьмя годами. Оно замирает, затем возобновляется.

Традиционные храмы
первой четверти XVIII в.



- 1701 г. Церковь Богоявления на Острове (Хопылево)
- 1711 г. Церковь Рождества Богородицы в ярославском Великом
- 1700-е гг. Благовещенский собор в Гороховце

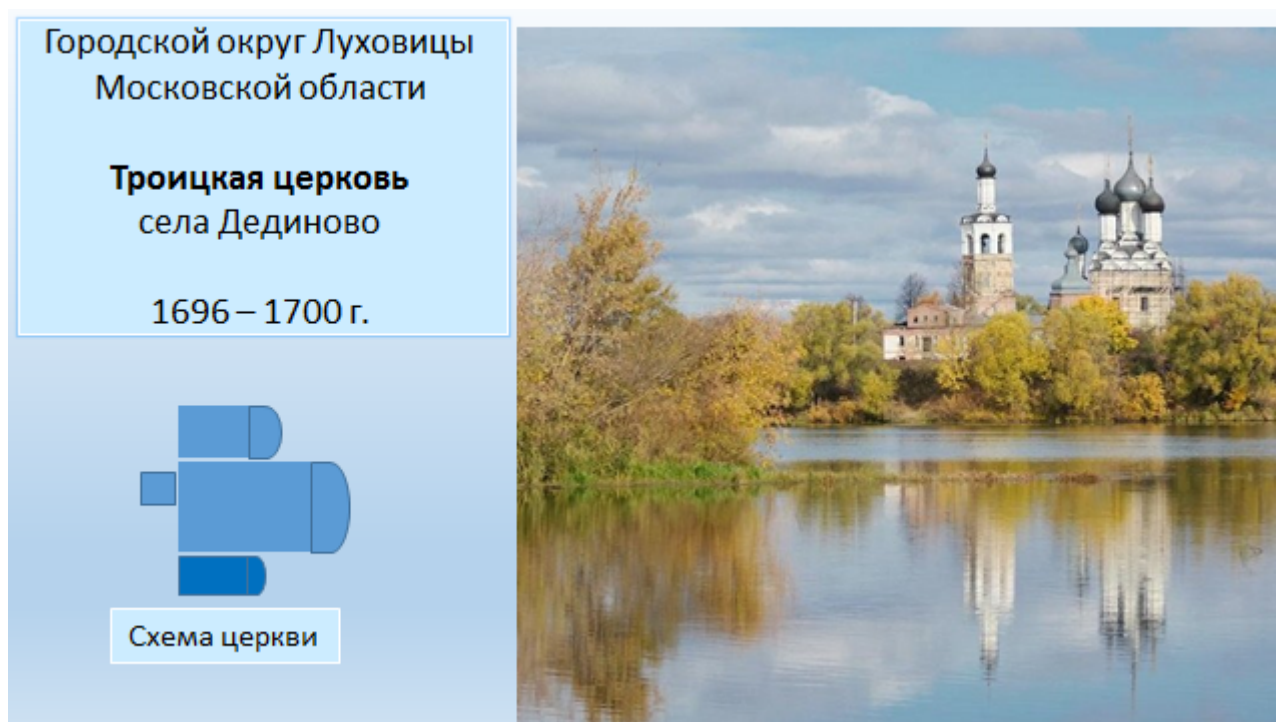


Если говорить о значении архитектуры Петровской эпохи, то оно заключается в сложении в это время своеобразного каталога форм и объёмов. В качестве составляющих в нём были использованы как элементы европейских классических стилей и конструкций, так и традиционные византийские по своему происхождению объёмные решения. В качестве основы каталог был востребован на протяжении всего нового и новейшего времени. В одной части – в столичной архитектурной традиции, во второй – в провинциальной. Отдельные его детали, в основном в виде декоративных элементов, дошли до советского времени и были размещены на фасадах зданий советского периода в качестве одних из символов средневековой российской архитектуры.

А.А. ШАБЛИН,
*председатель Луховицкого
историко-краеведческого общества*

ПАМЯТНИК РАННЕПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ – ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕЛА ДЕДИНОВО (1697–1700): ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Уважаемые коллеги! Мое сообщение будет посвящено Троицкой церкви села Дединово, округ Луховицы, Московской области.



Церковь эта – замечательный памятник раннего петровского времени, она была построена купцом Никитой Фёдоровичем Шустовым на месте храма деревянного, который известен с XVII века. Храм сам по себе необычный (я здесь представил схему) – он действительно сочетает, очень сложно сочетает, асимметрично расположенные разнообразные объёмы. Главный, основной храм – пятиглавый. Рядом с ним расположены достаточно крупный одноглавый северный придел и колокольня (она на схеме выступает вперёд), она в три яруса поставлена, что интересно – не по оси самого храма, а по центру всей постройки. Только в XIX веке (более тёмным цветом здесь выделено) был пристроен южный придел, который эту общую композицию несколько испортил.

Это очень интересный храм, он имеет богатые украшения. В частности, здесь как раз используются ордерные декорации, коринфский стиль и разнообразный растительный орнамент. Оконные и дверные проёмы церкви украшены небольшими столбиками из белого известняка, покрытыми резьбой. У каждого окна, каждой двери свой узор. Здесь использовался мячковский известняк, он хорошо поддаётся резцу, но при этом не крошится и достаточно прочный.

Центральным элементом внешнего декора храма является вот этот барельеф – единорог и лев – над западным входом в храм. О его назначении, его смысле до сих пор ведётся очень активная дискуссия.



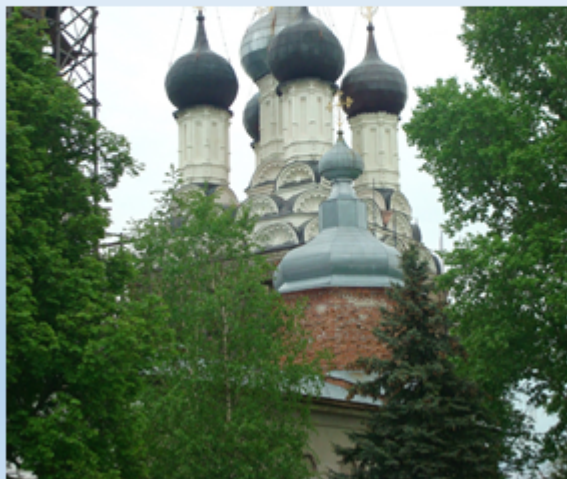
Барельеф на входе в Троицкую церковь: Единорог и лев

Купола храма венчают ажурные, украшенные коронами кресты рубежа XVII–XVIII веков. Прочитать эти символы Троицкой церкви пытались неоднократно, но тем не менее это задача, которая осталась на перспективу.

Пётр I имеет к этому храму самое прямое отношение.

В 1718 году по указу Петра I в Дединово была доставлена переделанная на Москве-реке при личном участии царя лодка-коломенка. Она стала образцом для судостроителей всей Оки. Из Орла, Коломны, Нижнего Новгорода, Касимова приезжали в Дединово, чтобы посмотреть этот образец и по нему делать такие же лодки у себя. Сначала коломенка хранилась под навесом, а потом, в XIX веке, построили для неё южный придел, в котором она и была размещена.

Никольский придел Троицкой церкви



Никольский придел Троицкой церкви – место хранения образцовой коломенки, доставленной в Дединово в 1718 году по указу Петра I

До середины XIX столетия лодка хранилась в этом приделе. Но в 1950-е годы от времени она истлела и была разобрана.

Правда, в Дединове 29 июня 2019 года, в День судостроителя, который учрежден Правительством Российской Федерации в честь дня основания Дединовской верфи XVII века, праздничная модель коломенки была вновь установлена в Троицком храме. Вносили и устанавливали её курсанты кадетских школ Орла, села Дединово.

Троицкая церковь связана с Петром I не только тем, что в её приделе хранилась образцовая коломенка. Весьма вероятно, что Пётр I бывал в этом храме. В Дединове он бывал дважды. Во время первого Азовского похода 1695 года, двигаясь по Оке, он вынужден был остановиться в этом селе, как он писал в письме Винусу: «Ветры нас крепко держали в Дединове два дня». В эти дни Пётр I неизбежно должен был посетить место первой российской кораблестроительной верфи, которая там была в 1667–1669 годах. Она находится буквально в 100 метрах от Троицкого храма. А интерес к этой верфи у Петра I был достаточно серьёзный, он собирал материалы. Кстати, и знаменитый ботик – дедушку русского флота помог ему привести в порядок Карштен Брандт, который на Дединовской верфи при царе Алексее Михайловиче ещё работал. Второй раз Пётр I заезжает в Дединово уже специально во время Каспийского похода 1722 года. Здесь, у Троицкой церкви, велось строительство речных судов по образцу той самой коломенки, им присланной. И в 1722 году он останавливается в селе, чтобы

посмотреть, проконтролировать, как ведутся работы, и успевает поучаствовать в них сам.

В указе того же 1722 года он напоминает, что делать лодки нужно так, как он сам показывал лично дединовским бурмистрам и плотникам.

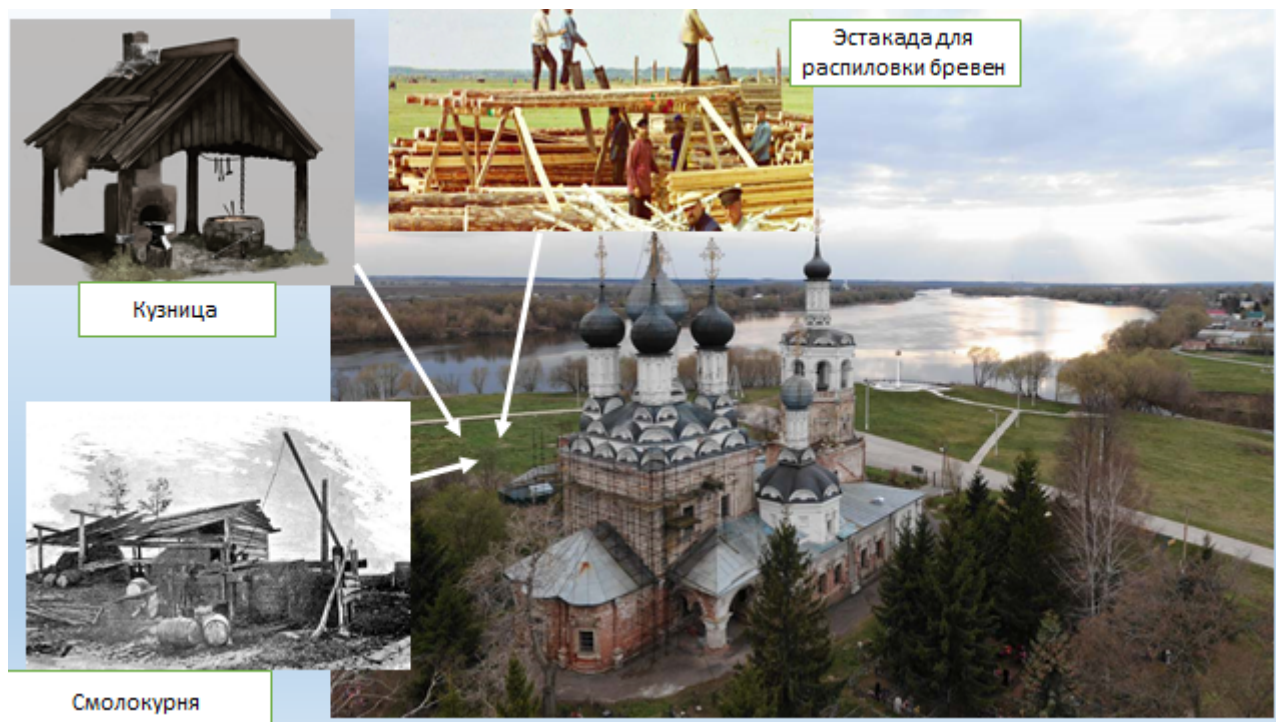
Стоит обратить внимание, что Троицкая церковь начала строиться в год первой большой победы Петра I – взятия турецкой крепости Азов.

В Дединове хранился, по сути, целый комплекс, цикл легенд и приданий о Петре I. Дело в том, что они были сохранены благодаря усилиям учёных. Там во второй половине XX века были проведены три этнографические экспедиции: в 1950 году сразу две – кафедры фольклористики МГУ и Института этнографии и в 1973 году село опять посетили специалисты Института этнографии.

По легенде, кстати, образ Петра I является сугубо положительным, хотя дединовцам досталось, их массово высылали и на строительство Петербурга, и на Петровские верфи.

Троицкая церковь является важным элементом мемориального комплекса, который посвящен Дединовской верфи XVII века. Комплекс расположен на стыке двух рек – Оки и небольшой речки Ройка.

Троицкая церковь – это памятник российским судостроителям. Когда здесь строился Орел, когда существовала Дединовская верфь, то Троицкий храм уже стоял. В XVII веке он был деревянный, но тем не менее это был тот же самый храм.



На Дединовской верфи (мы сегодня можем точно утверждать) из постоянных зданий была только кузница и смолокурня, всё остальное по домам крестьянским велось – парусину пошивали, канаты делали и прочее. Поэтому при небольшой реконструкции хотя бы таких небольших строений тут действительно может возникнуть крайне интересный для туристов, учёных комплекс, который может привлекать большое внимание. Это место, где был построен первый русский военный корабль, где впервые был поднят триколор.

Поэтому обустроить это место, то, что сегодня делают региональные и местные власти, имеет смысл.

Д.Д. МУСТАФИН,
заместитель главы
Духовного собрания мусульман России

Уважаемые участники семинара! В первую очередь я приветствую всех участников от имени главы Духовного собрания мусульман России, члена Общественной палаты Российской Федерации муфтия Альбира хазрата Крганова и желаю всем участникам милости и благодати Всевышнего.

Тема семинара очень актуальна – секулярный мир и религиозность. На протяжении всей истории человечества вера и неверие всегда шли бок о бок и всегда были в положении борьбы за души людей, и в современном обществе это всё также продолжается.

Временами преобладали секулярные настроения. Сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что совершается некая экспансия на духовные ценности всех религий, идёт пропаганда чуждых нашей культуре, культуре российских народов, ценностей. Конечно, мусульманские религиозные организации, а также все традиционные религии нашей страны обеспокоены данными негативными процессами. И в этом ключе мы с традиционными религиями нашей страны имеем общие взгляды и успешно сотрудничаем в сфере укрепления духовной безопасности российского общества.

С другой стороны, сегодня в современных условиях возрастает роль религиозного фактора в жизни общества. Молодёжь, современные люди всё-таки тянутся к религии, идут в церкви, мечети. Они находятся в духовном поиске. И здесь очень важным моментом является выполнение религиозными организациями, духовенством своей исконной миссии, которая заключается в направлении общества по пути истинных ценностей, ведущих человека к мирной жизни, счастью в этом мире и мире вечном. Хочется отметить, что духовно-нравственный потенциал всех традиционных религий России, историческое

использование всего опыта межэтнического и межконфессионального диалога способны привести нас к укреплению нашего общества на основе духовно-нравственных основ.

Мусульмане России поддерживают добрые и хорошие отношения с Русской православной церковью, с буддизмом, с иудейским сообществом страны. Мы имеем общие взгляды и подходы к пониманию принципиальных вопросов, основ веры и базисных ценностей, крупных общественно-государственных проблем. Сегодня роль межрелигиозного сотрудничества продолжает актуализироваться, оно востребовано в решении и профилактике острых социальных проблем, связанных с псевдорелигиозным экстремизмом, миграционными процессами и других проблем, возникающих на межнациональной почве и почве религиозного невежества.

Говоря об исторических памятниках России, хочется упомянуть о том, что ислам в России исповедуется очень давно. Одним из российских исторических мусульманских памятников является Волжская Булгария. В 2022 году благодаря инициативе Президента Республики Татарстан Р.Н. Нургалиева юбилейные торжества по случаю 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией по указу Президента Российской Федерации будут отмечаться на государственном уровне. Это очень яркий, позитивный показатель того, что ислам является исторически сложившейся религией на территории Российской Федерации. В последние месяцы в различных информационных источниках были настроения, близкие к исламофобским, утверждалось, что ислам – это чужая религия для России. Но мы – коренные жители – татары, башкиры, народы Северного Кавказа, а также другие народы, традиционно исповедующие ислам, всегда жили на территории страны и трудились ради её процветания и защиты. То, что торжества будут отмечаться на государственном уровне – это очень высокий показатель доверия со стороны государства. Пользуясь случаем выражаю искренние слова благодарности нашему Президенту России Владимиру Владимировичу Путину за оказанное высокое внимание к историческому событию в жизни мусульман страны – 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией.

И, конечно, мы будем жить в мире и согласии и делать всё необходимое, чтобы в нашем российском обществе царили мир, дружба и любовь между народами.

Л.Н. СКАКОВСКАЯ,
сенатор Российской Федерации

Дорогие друзья! Прежде всего хочется выразить огромную благодарность Вам, Ваше Высокопреосвященство, и организаторам Рождественских чтений от всех губерний нашей великой страны. Например, в Тверской области я была свидетельницей, как собиралась первая делегация на Рождественские чтения, с каким настроением, с какой надеждой. И никто не разочаровался. Участники Рождественских чтений, возвращаясь домой, делятся своими воспоминаниями, впечатлениями и ждут следующих Рождественских чтений.

В этом году Рождественские чтения будут особо привлекательными, потому что Пётр I, будучи правителем мудрым, предпочитающим действовать, проводил реформы в образовании не менее энергично, чем в военной или экономической сфере. Активная работа сразу по нескольким направлениям и позволила России стать великой державой, империей.

Должна сказать, что сегодня мы немного говорили о роли Петра I в области образования, науки и культуры. Напомню, что в результате петровских преобразований в России появилась целая сеть школ и учебных заведений. В 1703 году начала выпускаться первая русская печатная газета «Ведомости».

Открытие общественной библиотеки, Военно-морского музея, Военно-исторического музея артиллерии – всё это шаги, направленные на популяризацию знаний, образования, культуры. Конечно, вершиной деятельности Петра I в этом направлении стало создание в 1724 году Академии наук.

Можно с уверенностью сказать, что Пётр I душой болел за Россию, за свою страну, посвятил жизнь процветанию нашей страны.

Хочется поблагодарить всех за увлекательные, яркие, содержательные доклады. Сегодня состоялся заинтересованный разговор. И я надеюсь, что мы в самое ближайшее время познакомимся с материалами семинара-совещания.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ
семинара-совещания
Информационно-аналитического управления на тему
«К 350-летию со дня рождения Петра I:
секулярный мир и религиозность»

На протяжении многовековой истории Российского государства Русская православная церковь имела колоссальное влияние на общественную жизнь. В настоящее время в России формируется новый подход в вопросах взаимодействия государства, общества и религиозных организаций. Он нашёл своё отражение в новеллах, внесённых в Конституцию Российской Федерации и одобренных в ходе общероссийского голосования в 2020 году. В основном законе теперь закреплены положения о вере в Бога, преемственности в развитии Российского государства и признании исторически сложившегося государственного единства, о почитании памяти защитников Отечества, обеспечении защиты исторической правды и недопущении умаления значения подвига народа при защите Отечества, об обязанности государства создавать условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, об обеспечении приоритета семейного воспитания и защите института брака как союза мужчины и женщины.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркнул, что принятые в Конституцию Российской Федерации поправки привнесли в основной закон страны духовное измерение. «Сам этот факт имеет историческое значение. Отрадно, что в основном законе закреплены ценности традиционной любви, любви к Отечеству, уважения к старшим, образования и воспитания людей и молодёжи»³².

Считая, что церковь и государство участвуют в решении ключевых проблем общества, формировании здоровой социокультурной среды, сохранении духовных и культурных ценностей, **участники семинара-совещания:**

³² Официальный сайт Государственной Думы, 18 мая 2021 года.

1. Напоминают о том, что в 2021–2022 годах в России отмечается ряд памятных дат, приуроченных к знаковым историческим событиям. В их числе – 350-летие со дня рождения Петра Первого и 300-летие провозглашения Российской империи. Пётр Великий прочно занял место в ряду наиболее значимых государственных деятелей России. Он «прорубил окно в Европу», основал город Санкт-Петербург, ввёл новую систему летоисчисления и календарь, основал Академию наук, открыл первый в стране музей, провел первую в стране перепись населения, выпустил первую газету – «Ведомости».

2. Признают, что наследие петровских преобразований в части становления и развития законодательства и правовой системы, принципов государственного управления и административно-территориального устройства, внешней политики, организации армии и флота на длительный период определило облик Российского государства. При Петре I идея патриотизма, служения Отечеству фактически становится одной из основ российской официальной идеологии. Примером тому может служить обращение царя к русским воинам перед Полтавской битвой 8 июля 1709 года: «Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и Церковь... Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего».

3. Обращают внимание на то, что личность первого российского императора и последствия его реформаторской политики вызывают противоречивые оценки историков и неоднозначное отношение в российском обществе, церковной среде.

Одним из ключевых событий Петровской эпохи стало радикальное преобразование в 1721 году системы церковного управления в России. Эти меры повлекли за собой отмену существовавшего с 1589 года института патриаршества и образование коллективного органа управления Русской православной церковью – Духовной коллегии, а затем Святейшего правительствующего синода. На протяжении почти 200-летнего периода в истории России, до возврата к традиционной форме церковного управления – патриаршеству, были установлены

новые принципы взаимодействия светской власти и церкви³³. Назначаемые императором и стоявшие во главе Синода гражданские чиновники – обер-прокуроры – не только вели надзор за состоянием церковных дел³⁴, но и оказывали значительное влияние на повседневную жизнь общества, вопросы образования, культуры и идеологии³⁵.

По оценке Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «иерархи, священнослужители, миряне осознавали неправильность церковного устройства в Российской империи... губительность постоянного государственного контроля, связанного с тем, что патриаршество было отменено, а Синод подчинён государственному чиновнику. Не было у Поместной церкви Предстоятеля, а значит, не было того, кто мог достойно и авторитетно от имени всей Церкви представлять её в отношениях с государством и со всем народом»³⁶.

4. Отмечают, что сегодня, 300 лет спустя, отношения государства с Русской православной церковью, другими традиционными конфессиями, характеризуются как соработничество. Оно охватывает целый ряд значимых сфер общественной жизни: духовно-нравственное воспитание и образование, поддержка семьи и детства, благотворительность.

В Российской Федерации многое делается для поддержания диалога с основными конфессиями в целях сохранения гражданского мира, сбережения культурного и духовного наследия многонационального народа Российской Федерации. В Конституции Российской Федерации теперь закреплены нормы о культуре,

³³ Патриаршество, учреждённое в России в 1589 году, было фактически упразднено Петром I после смерти патриарха Адриана в 1700 году (царь запретил избрание нового предстоятеля Русской православной церкви и назначил митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского местоблюстителем Патриаршего престола). Духовный регламент Синода был создан сподвижником Петра I, одним из наиболее авторитетных церковных иерархов эпохи, архиепископом Феофаном (Прокоповичем).

³⁴ В ведении Синода находились все вопросы церковного управления, борьба с расколом, сектантством, миссионерская и церковно-издательская деятельность, духовное просвещение, образование и цензура, строительство и содержание храмов и зданий духовного ведомства. В качестве высшей инстанции Синод рассматривал дела, подлежавшие церковному суду (бракоразводные, о проступках духовенства и другие) // По материалам интернет-сайта Президентской библиотеки.

³⁵ В этом ряду особо следует отметить А.Н. Голицына (1803–1817), Н.А. Протасова (1836–1855), К.П. Победоносцева (1880–1905).

³⁶ По материалам официального интернет-сайта Русской православной церкви, 4 декабря 2019 года.

являющейся уникальным наследием многонационального народа России, её поддержании и охране государством; о русском языке как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации; о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

В 2021 году приняты инициированные Правительством Российской Федерации изменения в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Они затрагивают вопросы деятельности религиозных групп и религиозных организаций. В числе прочего установлены требования к священнослужителям и персоналу религиозных организаций, получавших за рубежом религиозное образование и впервые приступающих к деятельности на территории России³⁷.

Значимые законодательные новеллы были приняты для реализации новых положений Конституции, связанных с образованием. По инициативе Президента Российской Федерации³⁸ принят закон, который конкретизирует порядок воспитательной работы в системе образования. Законодательно закреплено ведение воспитательной деятельности «на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального русского народа». Также парламентариями были предложены поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»³⁹ в части регулирования просветительской деятельности, чтобы она не приобретала деструктивный характер, не приводила к разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

³⁷ Федеральный закон от 5 апреля 2021 года № 68-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

³⁸ Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

³⁹ Федеральный закон от 5 апреля 2021 года № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части введения просветительской деятельности). Проект федерального закона внесён в Государственную Думу сенаторами Российской Федерации А.А. Климовым, Е.В. Афанасьевой, А.В. Вайнбергом, Л.Н. Глебовой, О.В. Мельниченко и депутатами Государственной Думы.

Ряд законодательных актов принят в целях реализации нового положения Конституции о защите исторической памяти. В их числе федеральный закон, установивший уголовную ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений и памятников защитникам Отечества⁴⁰, федеральный закон, которым установлена административная ответственность за распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Международного военного трибунала, а также за публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны⁴¹. Также введена ответственность за оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны⁴², запрет публичного отождествления роли СССР и нацистской Германии во Второй мировой войне⁴³.

5. Подтверждают, что новая информационная революция и движение человечества в сторону следующего технологического уклада оказывают существенное влияние на жизнь человека, общества и государства и на взаимоотношения с церковью.

Технологии искусственного интеллекта, цифровизация, биоинженерия, генетика и медицина ставят перед секулярным обществом и перед церковью новые морально-нравственные и философские вызовы. Их влияние подлежит серьёзному осмыслению.

6. Отмечают важность присутствия и расширения коммуникаций церкви, а также определение роли духовенства в информационной среде. Интернет стал одним из основных каналов влияния на формирование религиозного мировоззрения, ценностные ориентации и поведенческие стереотипы личности, что создает многочисленные риски для духовного воспитания молодого поколения.

7. Выражают глубокую озабоченность тем, что в ряде стран Европы и США под предлогом борьбы за равноправие и против

⁴⁰ Федеральный закон от 7 апреля 2020 года № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁴¹ Федеральный закон от 5 апреля 2021 года № 58-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Международного военного трибунала, а также за публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны)».

⁴² Федеральный закон от 5 апреля 2021 года № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части усиления ответственности за реабилитацию нацизма)».

⁴³ Федеральный закон от 1 июля 2021 года № 278-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

дискриминации получили развитие так называемые прогрессистская идеология, культура отмены и воукизм, основанные на размывании гендерной идентичности и социальном подавлении идейных противников, борьбе с традиционными институтами и ценностями, рассматриваемыми как инструмент угнетения и подавления различных меньшинств.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2021 года подчеркнул, что «в современном хрупком мире значительно возрастает важность твёрдой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный... Для нас в России это не умозрительные постулаты, а уроки нашей непростой, временами трагической истории. Цена непродуманного социального естествоиспытательства иногда просто не поддаётся оценке, оно разрушает не только материальные, но и духовные основы существования человека, оставляет за собой нравственные руины, на месте которых долго невозможно вообще ничего построить».

8. Свидетельствуют, что в современном мире сохраняется напряженность в межконфессиональных и межкультурных отношениях, когда несовпадения ценностей и норм различных религиозных доктрин используются для обоснования экстремистской и террористической деятельности, пропаганды ненависти и вражды. Серьёзной проблемой остаются агрессивный прозелитизм⁴⁴, рост популярности неоязычества, деятельность различных сект. Для мирового православия актуальным вызовом являются инициирование сторонниками однополярного мироустройства расколов в поместных церквях, попытки вторжения в чужое каноническое пространство. Вызывают тревогу действия США, которые создали так называемый Международный альянс религиозных свобод и стремятся использовать вопросы свободы совести и защиты прав верующих для нападков на своих геополитических оппонентов, включая Российскую Федерацию и КНР.

9. Считают необходимым поддержку и развитие религиозно-теологического и теологического образования в Российской Федерации как инструментов содействия поддержанию диалога между

⁴⁴ Деятельность, направленная на обращение иноверцев в свою религию.

основными конфессиями, сохранения гражданского мира, сбережения культурного наследия многонационального народа России.

10. С удовлетворением констатируют, что Рождественские парламентские встречи являются уникальной площадкой для обсуждения перспектив и направлений дальнейшего сотрудничества государства и церкви и выработки новых механизмов противодействия имеющимся новым вызовам, стоящим перед Россией и её гражданами.

Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 2 (792)

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I:
СЕКУЛЯРНЫЙ МИР И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Материалы семинара-совещания
Информационно-аналитического управления
Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации
(Совет Федерации, 2 декабря 2021 года)

Под общей редакцией
заместителя Руководителя Аппарата Совета Федерации –
начальника Управления делами
В.В. Семикина

Ответственный редактор:
начальник Информационно-аналитического управления
А.Е. Петров

Составители:
И.П. Паргачёва, Ю.С. Леонов, О.Ю. Сундатова, Э.В. Ходина

Оригинал-макет подготовлен
Издательским отделом Управления делами
Аппарата Совета Федерации

Электронная версия аналитического вестника
размещена в сети Интранет Совета Федерации
в разделе «Информационные материалы» и в сети Интернет
(www.council.gov.ru) в разделе «Издания и аналитические материалы».
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на настоящее издание
обязательна

Подписано в печать 17.01.2022. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 7,44. Тираж 34 экз. Заказ № и-2

Отпечатано в отделе подготовки и тиражирования документов
Управления информационных технологий и документооборота
Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации